

Карагандинский экономический университет
Казпотребсоюза

Пономаренко Е.Г.

МИЛОСЕРДИЕ

(рассказы)

Караганда, 2008

Карагандинский экономический университет
Казпотребсоюза

Пономаренко Е.Г.

Милосердие

(рассказы)

Караганда, 2008

ББК 84Р7-44

П56

П56 Пономаренко Е.Г.

Милосердие: рассказы. - Караганда, 2008. 75 с.

ISBN 9965-769-96-6

Книга повествует о милосердии и о добре, о нравственных идеалах, о человеческом отношении ко всему живому, и участию в формировании личности современника. Рассчитана на широкий круг читателей, подростков.

ББК 84Р7-44

ISBN 9965-769-96-6

© Пономаренко Е.Г., 2008

© Карагандинский экономический
университет Казпотребсоюза, 2008

Вероничка

По-весеннему ярко светило солнце. Листва показала на тополях свое первое оперение. Подсыхали лужи. Понемногу становилось чище в городе. Вероника любила эту весеннюю круговерть, вдыхая изумительную зелень, она приближалась к школе. Первый урок у нее сегодня был природоведение. Обязательно соберу детей и пойдем ощущать весну в парк, благо он недалеко, - намечала планы Вероника. Навстречу торопились, суется, ее второклассники, к которым она привязалась всей душой, любила посвоему каждого ребенка, в то же время не выделяя никого из них.

"Надо же, как за зиму подросли", - отметила про себя Вероника. Зимой в шубах и пальто почти все одинаковые были, к весне тянутся. Она остановилась и, как бы поджидая ребятешек, посмотрела мимоходом в зеркальце.

- Здравсьте, Вероника Владимировна, - первым подбежал Дима Терехов. У него были нелады с буквой "р", и поэтому имя отчество ее звучало гортанно что ли, звучно.

Вероника улыбнулась, всем ответила на приветствие и хотела пропустить друзей-одноклассников вперед, но Дима распахнул калитку перед ней и галантно пропустил вперед.

- Спасибо, - поблагодарила Вероника.

"Мелочи, а как приятно", - подумала она.

Наконец, с шумной ватагой она очутилась среди шумной компании разных возрастов. Школа, казалось, гудела.

"И как они понимают в этом шуме друг друга", - подумала Вероника, еще раз улыбнувшись, наверняка вспомнив себя десять-двенадцать лет назад. Она закончила тоже эту школу и вот вернулась сюда преподавателем начальных классов, а попросту "училкой малявочек".

Оглядев себя в зеркало вестибюля, она осталась довольна своим внешним видом. "Ну, что ж, Владимировна, за работу принимайтесь, желаю удачи на весь день", - как бы скомандовала она себе. Вероника прошла по коридору и издали увидела в самом конце его своих деток.

- Вероника Владимировна идет, - донесся до нее приглушенный говор ожидающих ее детей.

- Здравствуйте, дети! Дождались, мои хорошие.

Ребячьи мордашки улыбнулись дружно ей в ответ. Среди своих она вдруг увидела незнакомую девочку. "Может быть, чья-то подруга", - решила Вероника, входя в класс. За ней, словно за гусыней, усаживались кто с криком, кто степенно ее гусята.

Два драчуна Коля и Слава опять что-то не поделили. И уже один другого пытался ударить портфелем.

- Тише, петушки, тише! - остановила их Вероника.

Девочки принесли сегодня своих любимых кукол и теперь хвастались друг перед другом, показывая одежды, наверняка, сшитые для кукол мамами и бабушками. Каждая девчонка не утерпит перед соблазном раздеть куклу - сама была такая. И Вероника на минуточку представила себя среди щебечущих "мам".

О походе в парк она не обещала заранее: хотела сделать детям приятное. Прозвенел звонок - все стихло. Все встали, приветствуя ее.

- Здравствуйте, дети, садитесь, - ответила она на приветствие.

Урок начали с рассказа о том кто заметил, что нового в пробуждающейся природе. И они, ее маленькие помощники, тянули руки один за одним, наперегонки рассказывая о прилетевших скворцах, о важных иссиня-черных грачах, о мерзлых лужах, которые утром трескаются, как будто на стекло наступаешь. Вероника поняла, что детские рассказы можно слушать до бесконечности, потому что дети были наблюдательнее взрослых. Им все было интересно и ново и они, словно губки, впитывали информацию интересную и неинтересную для них.

Прошло уже пол-урока, а ребята все рассказывали и рассказывали и прервать их было стыдно: пусть говорят, необходимо послушать каждого, чтобы потом не было обид.

Вероника, улыбаясь, дивилась их внимательности, поражалась умению спорить: "Триста лет живет ворона или нет?" В споры она вмешивалась, а право на ошибку не имела: они ей верили, верили в то, что она, Вероника Владимировна, сейчас скажет, в ту пользу и разрешится спор.

Вдруг в дверь очень несмело постучали. Сначала Вероника подумала, что это сквозняк или ветер, но стук повторился.

- Дети, извините, я прерву ваш разговор, по-моему, кто-то стучится в дверь.

Дети притихли и Вероника пошла посмотреть: может пятиминутка или педсовет - он сейчас так не к стати! Открывая дверь, Вероника увидела ту же девочку, только теперь невероятно заплаканную, не смотрящую на нее, а куда-то опустившую свой взгляд в пол.

- Что ты хотела? - спросила ее Вероника. Девочка подняла на нее глаза, полные слез, губы мелко дрожали.

- Что случилось? - опередила ее опять Вероника. Девочка молчала и все так же смотрела на нее.

- Ты к кому-нибудь пришла? - наклонилась Вероника.

- К-к-к вам, - Вероника поняла, что ребенок сильно заикается.

- Ко мне?

- Я буду учиться в вашем классе. Я н-новенькая, - выдохнула, почти выкрикнула из себя девочка. И Вероника ощутила, скольких усилий ей это стоило.

- Ты здесь с начала урока стоишь? - спросила Вероника вновь, хотя вопрос был задан глупо. Девочка махнула одними пушистыми ресницами в знак согласия.

- Давай знакомиться, меня зовут Вероникой Владимировной, - говорила Вероника, протягивая свою ладошку.

- А меня тоже Вероникой, - повеселела девочка. За дверью гудел класс.

- Я сейчас их успокою, ладно? А потом мы с тобой умоемся и перестанем плакать, хорошо? - проговорила Вероника, и ей сделалось просто адски стыдно за свою невнимательность.

Вот так и получается: стоит себе человек и пусть стоит. А человек-то твой, новенький, оказался. Шикнув на класс, Вероника взяла за руку свою тезку, девочку, опустившую плечики, как маленький воробушек.

- Нет, Вероничка, мы теперь с тобой плакать никогда не будем, а только смеяться. И друзья у тебя будут, только не переживай! И учиться ты будешь тоже хорошо, ведь правда?

Девочка опять кивнула ей, уже улыбнувшись.

- Ну вот и здорово, пошли! - проговорила Вероника маленькой Вероничке. А себе сказала: "Будь внимательной впредь, чтобы не было трагедий!"

Так они шли по коридору, взявшись за руки, ученица Вероничка и учительница Вероника Владимировна, улыбаясь друг другу.

Знакомство

Кого бы ни спросили, душой курса назвали ее, Ирину Стаценко. Ей в этом мире до всего было дело. Она кропотливо и доходчиво объясняла своим дошколятам от чего роса бывает, или ни с того ни с сего остановит их и предложит слушать пение синички в парке, выспрашивая затем, кто что знает о птицах. Она не жила, казалось, в этом суматошном мире, а играла и играючи любила этот мир, порой грустной любовью, порой порывистой и несдержанной. Распределение было еще в феврале. И все три подруги попросились в детский дом "Улыбка" проходить свою преддипломную практику. Ирину определили в группу дошколят к наставнице Ангелине Петровне, женщине невластной и, честно говоря, уставшей от работы, от беготни по магазинам, да и от детских "Почему? Зачем? Откуда?".

Надев белую кофточку и черную юбку, перешитую из маминей старой, Ирина при парадной форме явилась первый день на работу, совершенно смутно представляя себе своих мальчиков и девочек. Распахнулись двери и она очутилась в игровой комнате, где направо от нее был аквариум с заморскими рыбками и клетка с попугаем, важно названным Францем, а слева от нее - куклы, мячи, всевозможные игрушки. Ирина специально в первый день приехала пораньше, чтобы посмотреть все, освоиться, - в общем, вжиться, не подозревая еще, что ее ждет, как ее будут ждать, как будут скучать по ней, и что на субботу и воскресенье она обязательно будет брать кого-нибудь из ребятишек в общагу, потому что станут они ей дороги. Но все это будет потом, а сейчас...

Ирина, проходя мимо кукол, как бы знакомясь с ними, давая им всем свои имена, смешные клички собачкам, медведям, обезьянкам, поправляя на ходу банты, застегивая пуговицы у платьев, приводя в порядок сказочное молчаливое королевство.

- Ирина Петровна, - раздался за спиной голос заведующей. - Сейчас ребят приведут из столовой, не пугайтесь, очень важно сразу завоевать их расположение, они такие все разные, правильно говорят, что похожих людей не бывает. Я думаю, вы справитесь. Будет сложно, обращайтесь, помогу.

Ирина чувствовала, как мелко задрожали от волнения кончики пальцев. Какие они, мои дети? Наталье повезло, ей достались совсем малыши по 2-3 года. Говорят, с ними проще, хотя как знать?

По коридору доносились детские голоса, кто-то с кем-то спорил, а кого-то уже надо было успокаивать: слышен был плач. Наконец, дверь открылась и малыши остановились на пороге, толкая друг друга вперед.

- Вы наша новая няня? - спросил мальчик в зеленых штанишках.

Не знаю, как эта фраза вырвалась, но Иринка ответила ему и всем:

- Я теперь буду с вами жить!

Мальчик посмотрел с недоверием, отступил полшага назад и задал перекрестный вопрос:

- Как, всегда?

- Всегда, - ответила Ирина.

Только потом сообразила, что обманет их. Совсем не с того нужно было начать. Где вся та речь, которую ты готовила по дороге сюда. Все начисто испарилось, все забылось. Выручил опять же мальчик в зеленых штанишках.

- Ну что ж, мы гостям рады, проходите, будьте у нас как дома.

Ирине показалось, что все здесь стоящие слушают его и подчиняются только ему, а значит подчиняться ему должна и она, Ирина. Пройдя вперед, Иринка приняла игру.

- Спасибо, будьте так добры, покажите мне ваши владения, - обратилась она к лидеру.

- Давайте знакомиться. Меня зовут Ирина Петровна, а вас как?

То, что услышит сейчас Иринка будет долго поражать ее и надолго останется в памяти.

- Звездочка.

- Радость.

- Счастье.

- Киска.

Дети выходили по одному и приносили клички. Нет, не клички, а добрые слова, которыми в порывах ласки называла их Ангелина Петровна, и которых им так не хватало порой.

Иринка растерялась, на глаза навернулись слезы. Смахнув их незаметно, она тут же придумала им игру, где в некотором королевстве, в некотором царстве жили ребяташки, которых звали необычными именами:

- Дунечка.

- Цветочек.

- Радость.

Ребята приняли ее игру. Пели ее песенки, читали стихи, танцевали, прыгали через скакалочку. Дети приносили в королевство своих самых любимых кукол, заезжали в подземные гаражи на самых красивых машинах, одновременно слушая рассказ Ирины о заболевшем Мишке, о хромой лисичке, которой необходимо пришить лапку и о многом другом. Здесь Ирина впервые узнала о Кате - кукле с нераскрывающимися глазами. Принесли клей, подклеили ей реснички. К машинам нашли временные колеса, которые подошли, зайцам вместе с девочками пришили ушки. Жившие в стране чудес портные сшили платья и обязательно с такими рукавами, которые были у Ирины на кофточке. Парикмахер заплел девочек.

Ирина, играя с детьми, радовалась на своих подопечных, они верили в страну детства, оглушали необычностью в обычном нашем сутолочном мире. Они, эти маленькие существа, пяти-шести лет приняли ее в свой союз, протянув навстречу руку помощи, отодвинув официальные речи и знакомства, напомнив ей, что среди прочих имен есть еще и такие, как Счастье, Радость, Солнышко. Вечером, возвращаясь в общагу, она шла улыбаясь всем и вся, еще и еще раз вспоминая свое первое знакомство с детьми, свой первый день работы.

"Счастья вам, мои солнышки", - мысленно пожелала деткам Ирина, переходя через улицу, еще раз оглянувшись на серое здание детского дома с чистыми окнами, ставшими такими родными для нее, в это морозное утро.

Веточка яблони

Яблоневый цвет пленил прохожих. Они зацвели как-то все разом, выставляя напоказ бело-розовые подвенечные платья. Среди округлости и светлого марева зелень листьев была не видна. Алексей ждал Ольгу у института. Он приехал сегодня утром, не сообщая ей заранее. Любя неожиданности, он приклеил усы и теперь выглядел лет на десять старше своего возраста. Театральная гример Леночка любезно одолжила ему реквизит. Они были с ней одногодки и, наверно, поэтому она его не осуждала за шалости, а только приветствовала. С гастролей они должны были вернуться в конце мая начале июня.

Конечно, же Ольга его не ждет, скоро закончится четвертая пара и он ее увидит, наконец, сможет поддержать ее пухло-детские руки в своих, поцеловать фиалково-синие глаза и ощутить щекотание ресничек у лица. Алексей зажмурился и улыбнулся от удовольствия. В ней ему нравилось все: неброские тона ее платьев, фонарики-рукава, лукавые глаза, пепельные волосы. Когда Ольга распускала косу, они тяжелым ливневым потоком падали и заканчивались где-то внизу ниже пояса.

"Боже, как она хороша!" - вспомнил сейчас он слова одобрения Сереги - друга Алексея. Они вместе заканчивали театральное

училище, только вот судьба разбросала по разным театрам. Серега по направлению стал работать в Областном драматическом, а Алексею предложили ТЮЗ. Сначала жалел, что исправить уже ничего нельзя, но со временем понял, какие благодарные зрители дети. Так и остался в нем играть, хотя предложения были перейти или остаться преподавать искусство сценического мастерства в одну из школ искусств города.

Она сидела в первом ряду. Когда он ее увидел, почему-то сразу поверил ей, за откровенный взгляд что ли. Играли "Много шума из ничего" Шекспира. Декорации, костюмы - все облагораживало, как и сама пьеса. После спектакля он вместе с актерами вышел на "последний поклон", есть такой термин у артистов. Дарили очень много цветов. Еще бы - премьерный показ. У нее в руках была цветущая ветка яблони, свежая, белая, душистая. Девушка дарила ее последней, поэтому, наверное, все обратили на нее внимание. Алексей хорошо помнил ее слова: "Чистоты вам и понимания".

Алексей взял цветы, принес в гримерную, поставил отдельно веточку яблони от гвоздик и лилий в вазы и не мог отвести от нее глаз. Казалось, что она светится восковым белым светом, а может быть, улыбкой той, что оставила ему в подарок. Вот уже пятый спектакль он играл без нее, эта девушка не приходила, он не видел ее глаз, а искал, искал ежедневно, лишь только открывался занавес и актеры начинали спектакль. "Придет, сегодня придет", - успокаивал он себя, но надежды рушились и таяли невидимой дымкой утреннего тумана.

Заканчивался еще один репетиционный день. Новая роль требовала большого перевоплощения. Инсценировали "Живые и мертвые" по Симонову. "Война, да что я могу знать о настоящей войне?" - не раз спрашивал себя Алексей. Не могу, нужно отказаться от роли Серпилина, не получался образ, да и вдохновение вроде бы покинуло его. Он ждал ее. Вспоминал ее глаза с пушистым обрамлением ресниц. А ее все не было, не было, не было...

Серега, видя его депрессию, вытащил, наконец, Алексея прогуляться в парк. "Древние дубы и клены поднимут тебе настроение, совсем ушел в себя. Что с тобой?" - участливо спросил его

друг. Но даже другу не мог Алексей поведать о мимолетной встрече, которая перевернула его с головы на ноги. Идя рядом с Сергеем, он чувствовал, что скоро не выдержит его присутствия, попросит культурно помолчать, не лезть в душу, но обидеть Сергея он не решался, слишком давняя дружба их связывала.

Они одновременно обратили внимание на девчонок, расположившихся на траве. Девчонки сняли босоножки и туфельки. Их настроение соответствовало обновлению пробуждающейся природы. Они щебетали без умолку, рассказывая друг другу светские новости и кулуарные добрые женские сплетни.

- Весна, Серега, посмотри на них: как яркие цветы на зеленой траве. И о чем так возбужденно можно говорить, наверное, перемалывают косточки очередного поклонника. Молодые еще.

Сергея и Алексея, улыбаясь, прошли мимо.

- Здравствуйте, - послышалось им вслед.

Они инстинктивно повернулись на голос. Она встала, быстренько одела босоножки и уже приближалась к ним, слегка кокетничая на ходу, поправляя роскошные, почти неземной красоты, волосы.

- Она с кем здоровается? Среди моих знакомых что-то такой красавицы я не помню. Слышишь, Алексей? - Серега обернулся и понял, что говорил он это в пустоту.

Алексей приближался к девушке, улыбаясь, казалось, всеми мускулами лица. Девушка была действительно хороша. Василькового цвета широкая юбка и в тон ей блузка-разлетайка, так ладно сидели на ней, подчеркивая красивую фигуру. Но не фигура, весь ее облик, словно иссиня-голубая дымка, был наполнен свежестью и дыханием весны. Распущенные пепельные волосы, предоставленные игре ветра, словно волны, спускались сверху до низа. Дополняли ее образ дымчато-серые солнцезащитные очки, бабочкой опустившиеся в легкой оправе на нос. Это была их вторая встреча. Серега понял, что лишний, и быстренько ретировался. Алексей смотрел на это хрупкое создание так как только могут смотреть на любимого человека. Улыбаясь, они шли молча, не решаясь нарушить тишину и прервать гулкое стучание сердец.

- Давайте знакомиться, - решил, наконец, Алексей.

Подняв на него изумительно синие глаза, девушка прошептала:

- Ольга, - протягивая маленькую пухлую ладошку, совсем почти детскую.

- Алексей, - ответил ей в тон. - Я думал о вас часто вспоминая. Вы почему больше не были на спектаклях, мне вас так не хватало, Ольга? А веточка с яблоневыми цветами завяла последней, она поддерживала меня в трудные минуты.

- Вы романтик, Алеша. У меня просто не было денег купить что-то существенное, я срезала ее из своего сада, очень было стыдно, поэтому-то и подарила последней.

- Спасибо, она действительно была хороша. Благодарю.

- Потом закружили будни, знаете сессия, зачеты, да еще подрабатывать устроилась уборщицей. Мы с мамой живем вдвоем, отца своего я никогда не видела. А мама больше замуж не выходила, растила меня, она мне и за отца была, и за деда, и за бабушку. Каких мы шуков на плесах вытягивали, - и она жестом заядлого рыбака-любителя развела руки в стороны.

Алексей улыбнулся: "Хвастушка!"

Она поймала его улыбку:

- Вы мне не верите? - нижняя припухшая губка чуть задрожала.

"Да она же сейчас расплачется", - мелькнуло у Алексея.

- Верю, верю, - поспешно заверил он девушку и еже крепче сжал ее ладошку. Он смог на это милое существо и радость, именно радость охватила его. "Неужели она будет моей женой?" - задал он себе вопрос.

Ольга по дороге набрала небольшой букетик солнечных одуванчиков и теперь спрятала лицо в пушистость цветов, вдыхая аромат. Алексей держал ее за руку и пытался представить ее в гнев. Ольга высвободила руку и заговорила вдруг пылко, сбиваясь, путая слова:

- Я люблю вас, Алеша. Пусть вы меня осудите, пусть, мне все равно, все равно. Я поняла, что лучше вас нет, еще там на спектакле. Только не перебивайте, прошу вас, не надо. Я знаю за нескромность и навязчивость можно осудить, судите, делайте что хотите. Я повторяю, мне все равно, я люблю вас.

Она замолкла, будто выдохлась у финиша, даже со стоном глубоко вздохнула. Алексей прижал ее к себе. Руки с благодарностью обхватили ее маленькую, беззащитную, но отныне его. Прохожие обходили их, осуждающе покачивали головами. Он чувствовал их взгляды и ему, как и Ольге, было все равно. Первый раз в жизни все равно: репетиции, спектакли, премьеры. Вот она его премьера, его жизнь, любовь и радость, его главная премьера, а остальное все неважно.

Свадьба была скромной. Узкий круг друзей, знакомых, родители приветствовали молодых.

Слышно было как прозвенел звонок. На крыльцо перед входом высыпали первые курильщики. Алексей издали увидел ее. Сине-клетчатый вариант скрывал округлость ее живота. Она спускалась осторожно, почти медленно. И тут Алексей не выдержал, сорвал быстро никчемный макияж, рванувшись к ней. Ольга задержалась на лестнице с подругой, видимо, что-то ей объясняя или доказывая, вычитывая что-то по конспекту.

Алексей подбежал сзади, прикрыл ей глаза руками, потом нежно развернул к себе. Вот они фиалко-васильковые глаза. Нет, беременность ее не портит.

- Здравствуй, Оленька! Здравствуй, моя золотая!

А вокруг цвели яблони, так что можно было задохнуться от счастья, от радости, что она идет рядом и маленькая ладошка покорно лежит в его крепкой руке.

Милосердие

Ветер гнал ее вперед, смешно задирая юбку, прохладно щекотал ноги. Анна пыталась защититься от озорника, прикрывая голые колени.

- Ох, бесстыжая, юбку-то что задрала, - услышала совсем рядом.

Анна оглянулась. Бабуля лет так восьмидесяти, сидя на ла-

вочке, она опиралась, казалось, всей тяжестью на палку-клюку.

- Ой, молодежь, - проговорила старушка, - не успеют обсохнуть, уже юбки задирают.

- Бабуленька, не надо меня упрекать ни в чем, ведь виноват во всем ветер, а не я.

Анна подошла к бабуле и присела к ней на лавочку. Старушка, видимо, не ожидала, что с ней заговорят да еще и не огрызнутся в ответ.

- Далеко спешишь, милая? - сменив гнев на милость, старушка вновь попыталась разговаривать с незнакомой женщиной.

Анна как-то вся сжалась, будто готовилась к этому вопросу целую вечность.

- К сынишке, - тихо прошептала она, говоря это больше для себя, а не для рядом сидящей бабушки, но та услышала и опять задала вопрос:

- В садик, что ли?

- Не знаю, - ответила Анна, прокручивая в уме, что никак сейчас Сережка не может быть в садике, наверное, уже в школу пошел.

С того времени, как Анна рассталась с семьей, прошло четыре года. Долгих, мучительных четыре года. Ее освободили досрочно, по амнистии. Какой он, Сережка? За четыре года ни писем, ни весточки Анна из дома не получала. Ее сразу-то свекровь недолюбливала, а как узнала, что из детдома, так вообще невлюбила, не раз подговаривала Олега оставить ее, пока не поздно.

Пятый месяц беременности Анна переносила особенно тяжело. С Олегом жили, как все: мирились, ссорились поочередно. О девочке он даже и разговора не вел - мечтал о мальчике.

Беду, говорят, никто не зовет - сама приходит.

Анна устроилась контролером-кассиром, проще сказать, продавцом в "золотой отдел" универсама. Кража произошла ночью. Собаки, эксперты, следственные эксперименты - все, как в кошмарном сне. Ее, Анну Синявину, за халатное отношение к своим обязанностям суд приговорил к пяти годам лишения свободы. Сережке тогда было четыре годика. Когда ее уводили из зала суда, малыш плакал, тянул к ней свой ручки.

- Сынка-то как звать? - услышала она опять голос бабули.

- Сергунькой, - ответила мягко Анна, а у самой по щекам предательски потекли слезы.

Видимо, старая женщина поняла, как тяжело ей сейчас.

- Вставай, пойдем ко мне! Попьешь чайку, успокоишься. Я тут недалеко живу.

- Давно освободилась? - спросила опять бабуля, поднимаясь.

- Нельзя к дитю идти заплаканной, а то и оно заплачет. Отошала ты там, милая.

Чистых крохотный дворик, обмазанный глиной дом, небольшой и уютный, предстал перед глазами Анны, когда старушка толкнула клюкой калитку.

- Проходи, проходи, горемычная. Застряла что ли? Хату мне выстуjaешь, проходи, говорю.

И старушка почти втокнула гостью в дом. Анна прошла в маленький коридорчик, затем в комнату, уютную, светлую, одновременно служившую старушке спальней и гостиной.

- Ты щи-то любишь?

- Я все люблю, - ответила Анна, почувствовав непреодолимое чувство голода.

- Анной Тимофеевной меня кличут.

- А меня - Анной.

- Ну вот и хорошо, девонька, познакомились. А теперь ешь, мешать тебе не буду.

Анна никогда еще не ела таких вкусных щей, разве что когда готовила тетя Тася в детдомовской столовой.

- Поела, а теперь иди ищи своего сыночка, здесь он, рядом, - успокаивала Анну бабуля.

- Да, я, пожалуй, пойду. Анна Тимофеевна, спасибо за все.

- Позже спасибо скажешь.

Анна почти бегом направилась к школе. Была перемена. Анна робко постучала в дверь учительской.

- Я могу видеть директора школы или завуча?

- Я директор, - молодой мужчина поднялся ей навстречу. - Чем могу служить?

- Мне необходимо узнать, учится ли у вас мальчик Сергей

Синявин, мой сынишка.

- Хороша мамаша, не знаете в какой школе учиться сын.

- Не надо иронии, я рассталась с ним четыре года назад, - попыталась оправдаться Анна.

- А теперь что же вздумали искать? - опять съехидничал директор школы.

- Вам этого не понять. Да и с педагогическим тактом у вас туго, - бросила ему Анна. А себе приказала: "Только не реви!"

В учительскую зашли преподаватели.

- Олег Семенович, у вас уже окончились занятия? - спросила входящего молодая учительница.

- Да, конечно, я буду ждать вас, Ольга Михайловна, у школьных ворот, хорошо?

Анна, как ошпаренная кипятком, обернулась на этот голос.

- Олег!

- Анна, ты?! Здесь, откуда, неужели... - не договорил, опустив глаза.

- Где наш сын? - почти шепотом спросила Анна.

- Крепись, Анна, крепись. Сережки больше нет. Авария. Я вот выжил, а его нет, не спасли врачи.

Женщина схватилась за косяк двери, медленно, как в обмороке, стала сползать вниз...

Очнулась она в больнице. Сильнейший гипертонический криз лишил ее слуха. В больницу Олег не пришел, да и не ждала его особенно Анна. Горе было велико. Канула, казалось, в прошлое вся ее жизнь.

Навещала Анну старушка Анна Тимофеевна, сидела у нее подолгу, почти до ночи, ухаживала. Санитарки ее не прогоняли, между собой переговаривались: "Вот повезло-то женщине, как за ней мать страдает, какая заботливая, видимо, дочь хорошая, за плохой бы так не ухаживала".

Они переговаривались с Анной жестами, пытались понять друг друга по губам. Анна Тимофеевна обошла все близлежащие школы. В чемоданчике, оставленном Анной ей на хранение, она нашла фотографию сына Анны. Попросила соседа смастерить и вставить фото в рамочку и отнесла Анне, когда та была еще без сознания.

- Только не плачь, детка, - успокаивала ее старушка, вытирая слезы. - На-ка вот, поешь, творожок козий. Все у тебя будет хорошо. Все еще будет. Время лечит любые раны, верь мне.

И Анна крепче прижалась к шершавой ладонке...

Обстоятельства

Тихо на город опускались весенние сумерки. Ночное небо готово было уже принять раскрас звездного мерцания. Стояла убаюкивающая тишина, но скоро эта тишина, надменно смотрящая на город и городских жителей, должна была прорваться, выстрелить "часом пик" - неразберихой, суматохой, сутолокой. А пока...

Анна приближалась к Цветочному переулку. Это был ее последний вызов на сегодняшний день. Название улицы говорило само за себя; астры и уже чуть тронутые первым морозцем хризантемы, встретили ее и поразили своей неповторимостью: от белого до желтого, от кремового до красного попадалось ей на глаза цветочное буйство красок.

"Куликов Миша, - прочитала она в записной книжке, - 5 лет, подозрение на гепатит". Анна уже нажала кнопку звонка.

"Только бы собаки не было, уж больно они здесь здоровенные", - только успела подумать она, а ей навстречу без привязи помчался огромный пес.

"Видимо есть что охранять", - про себя подумала Анна.

На лай собаки вышел хозяин, молодой мужчина лет так тридцати на вид.

- Вы доктор? Проходите, уже и не надеялись, поздновато.

Анна выслушала его молча, не оправдывалась, что положено 10 вызовов, а у нее сегодня 28 и что она еле-еле держится на ногах вряд ли стоит объяснять: "Такие это не понимают!"

Хозяин убрал собаку и, пропуская ее вперед, попросил:

- Доктор, прошу Вас, вылечите его!

У него в глазах было столько мольбы и страдания, что Анна поразилась: "Сейчас редко увидишь таких заботливых отцов", но

вслух сказала:

- Куда пройти, чтобы вымыть руки?

- Да, пожалуйста, сюда.

- Папочка, кто там? Это тетя врач пришла? Она не будет мне делать укол? - осведомился малыш крича в открытую дверь.

- Нет, не буду, - засмеялась Анна, переходя в комнату. - Здравствуй, малыш! Что у тебя болит? Иди ко мне, я тебя посмотрю и послушаю, вот этой штучкой. Анна вытащила фонендоскоп ярко-оранжевого цвета, погрела его в руках.

Малыш вдруг соскочил с кровати и убежал прочь из комнаты.

- Мишенька, ты же мне слово давал, тебе не сделает врач ничего плохого, это добрая тетя, - пытался догнать малыша отец.

- Почему он так панически боится врачей? Вы кто ему будете?

- Сосед.

Ответ настолько поразил Анну, что она растерялась.

- Как сосед, он же вас папой называл?

- Ну и что, Мишка все нас называет папами, я имею в виду мужчин, а женщин - мамами. Его родители - алкоголики, неизвестно теперь где обитают. До прошлого месяца он жил с бабушкой, но Евдокия Степановна умерла, а я ходатайствую, чтобы Михаил остался со мной. Уже почти все справки собрал, да, наверное, знаете, как у нас любят мешанину разводить. Вот и числится он пока по фамилии родителей.

- Да, ситуация... А если с ребенком что-нибудь случится? - задала вопрос Анна.

- Не знаю, уже случилось. Заболел он, видите.

- Как к вам обращаться?

- Михаил Иванович.

Большой Михаил поймал, наконец, маленького Мишутку и на руках нес его к врачу. Мальчик бился в истерике, плача и выдергиваясь он отчаянно сопротивлялся.

- Давайте сделаем так. Идите сюда. Я сейчас выйду, сниму халат, немного постою за воротами, а потом приду как будто к вам гости, договорились?

- Все, Михаил, не нужен ты тете врачу, она уже уходит, - большой Михаил подал ей палочку и Анна громко хлопнула дверью, имитируя свой уход.

- До свиданья, Миша, - сказала Анна. Необходимо было выждать десять-пятнадцать минут. Анна закрыла за собой дверь и мысли ее вертелись одна за другой: "У мальчика явно нарушена психика. Общее состояние удовлетворительное. Кто у него были родители? И что за панический страх при виде белого халата?"

Все. Необходимо зайти. Анна сняла белый халат, спрятала его в сумку, завернув и хорошо упаковав в пакет. "Все, Анна, иди", - коротко скомандовала она себе. Приоткрыв дверь, Анна увидела обоих Миш. Большой лежал на полу, а маленький сидел верхом на его ноге и бойко распевал песню "Мы красные кавалеристы и про нас". Машка ужасно картавил, от чего слова "красные и кавалеристы" у него получались звучно и гортанно.

- Пап, к нам пришли, - взглянул он на Анну и весело продолжал размахивать рукой, как шашкой.

- Неужели? Наверно, посмотреть папины картины, ведь папа у тебя художник, да? - неумело, но в такт Мишкиному настроению соврал Михаил большой.

- Проходите, проходите?

Анна разделась в прихожей, потянулась развязывать шнурки сапожек, но Михаил Иванович ее остановил.

- Не надо, не надо, проходите так. Мы еще с сыном не убрались. Ну что, сын, пойдешь показывать тете картинки, а? - спросил Михаил, при этом смеющегося ребенка подкидывая наверх.

Анну пригласили в другую комнату. Мишка залез на стульчик и стал показывать и объяснять почему на картине папки солнышко не желтое, а серое. Это значит хмурится оно, это значит на

лес сейчас дождик будет плакать. Мишка разговаривал без умолку. Анна, слушая его, старалась определить свое, - то, зачем сюда пришла, - симптомы болезни. "Нет, белки глаз не с желтизной, цвет кожи соответствует норме", - продолжала отмечать она для себя.

Мишка вдруг посмотрел на картину, где была изображена женщина с распущенными волосами и голубыми глазами, потом снял портрет со стены и нежно прошептал:

- Мама, - сильно прижал портрет к груди и поцеловал. - Мишкина мама!

Анна задыхнулась, сколько было счастья в его глазах, сколько света и тепла излучало это маленькое детское личико. Она перевела взгляд на Михаила Ивановича, как бы задавая вопрос и ища на него ответ.

- Не знаю, он видит маму именно такой. Это я на бульваре рисовал у рынка, - пояснил он. - Родителей не выбирают, а вот Мишка именно такой видит ту, что его родила.

- А, может быть, он помнит ее черты, ведь мальчик уже довольно большой.

- Не знаю, не думаю, - ответил ей Михаил.

- Тебе нравится у нас? - поинтересовался мальчик.

- Очень! - ответила ему Анна, думая как же его прокальпировать.

- Давай поиграем в "Стук-стук", - предложила она ему.

Мальчик поинтересовался:

- А как это? Ты покажешь?

- Сначала я к тебе в гости постучусь, а потом - ты, но есть одно условие: стучать надо по стенке, хорошо? - Анна прикоснулась к нему.

- Три, четыре, начали! - проговорила она.

Пропальпировав Мишку, Анна убедилась, что воспаления легких нет.

- Давай теперь я! - скомандовал Мишка. - Поднимай рубашечку.

- Нет, Миша, взрослых можно так стучать, через платье, кофту, - улыбнулся Михаил детской непосредственности.

- Хорошо, ложись!

Анна легла на пол и Мишка осторожно постучал ее по спине со словами:

- Не больно? Нет? - он заглянул ей в лицо.

- Нет, мой хороший, приятно.

Анна лежала на животе и ей было неловко и смешно от того, что она сейчас изображала. Подняв на Михаила голову, она ему сказала:

- Все хорошо, гепатит не подтвердился, простуда начинается, ничего страшного.

Михаил сидел тоже рядом с ними на полу и вдруг он заметил, что Анна очень похожа на ту девушку, изображенную им на портрете. Те же "лисиные глаза" и распущенные волосы, заколка Анны отскочила и они рассыпались по плечам.

- Миша, мне надо идти, ладно? - проговорила Анна маленькому человечку.

- Нет! Он обхватил ее колени, прижался к Анне крепко-крепко. Нет, мама, не уходи!

Анна не могла пошевелиться и стояла чуть не плача. Они еще поиграли с Мишкой, пока тот не уснул у нее на руках, крепко обнимая. Он лежал на ее коленях раскрасневшийся от счастья, что нашел, наконец, свою маму.

- Оставайтесь, прошу Вас, - вернул ее в действительность голос Михаила Ивановича. Выходите за меня замуж, прошу вас, Анна.

Анна почувствовала, как сжалось ее сердце, она не смогла даже ничего ему сказать. Он обнял ее и произнес:

- Вы ведь не замужем, мы нашли вас, Анна, с Мишей, будьте нашей единственной, прошу вас.

Он склонился и поцеловал ей руку.

- Анна, виной всему обстоятельства, а они указывают, что два совершенно незнакомых вам человека просят вас стать сразу им мамой и женой. Решайтесь, Мишку мы все равно усыновим, как он теперь без вас? Вы меня слышите?

- Да, обстоятельства. Но я согласна, - прошептала Анна, положив голову на крепкую руку Михаила Ивановича, не в силах больше сказать уже ничего, не зная, что будет дальше.

Пустырь

Катя ждала Алексея всю ночь. Прислушивалась к каждому шороху, стуку калитки, лаю собаки. "Сейчас постучит, сейчас придет, увижу, увижу", - успокаивала она себя, хотя встречи их становились все реже и реже, видимо, пропало что-то, изменилось, а что она сама понять не могла. Алексей был "приходящим", именно так его окрестили соседки-сплетницы, вездесущие старушки-лавочницы. Катя не видела его уже две недели, потихоньку страдала от своего одиночества, потихоньку плакала в этом одиночестве, хватаясь за надежду, как за соломинку. Он ничего не предлагал, ничего не обещал, ему просто хорошо с ней, наверное, она была удобной женщиной. Изящная от природы, не страдающая недостатком красоты, Катя умела ценить себя, преподносить что ли окружающим.

"Счастливая ты, Катька, - часто с нехорошей завистью говорили ей подруги, - умеешь завораживать да и привораживать тоже".

Катя соглашалась с ними, а в глубине души молила: "Возьмите все себе, возьмите, оставьте серость, обыденность, повседневность, только не завидуйте".

В кухне часы пробили ровно час. "Все, спать", - командовала себе Катя. Не было счастья и это не счастье, уж лучше никакого, чем постоянно ждать, надеяться, жить звонком телефона, звонком в дверь, встречами и расставаниями, попросту говоря, быть "телефонной девочкой" в свои двадцать четыре. Это страшно да и обидно: не удалось, не сложилось, ниточка где-то прервалась, а вот узелок вовремя не затянула. Наверное, я не одна такая? Кто-то сейчас ждет, надеется, мучается, как я. Может быть, совсем рядом, а не на краю земли. Она в самые тяжелые минуты вспоминала мудрую бабу Маню, свою бабушку-советчицу и указчицу в делах и поступках. Мать Катя любила, а вот секреты свои доверяла только бабушке, побаивалась непонимания и осуждения матери. Говорят, что дети, в особенности девочки, повторяют судьбу сво-

ей матери. Неужели всю жизнь одной, всю жизнь неудачницей, а годы-то летят. Подруги все уже давно замужем, а она, как раненая птица, мечется, - дом, работа, дом, - безостановочно. Чуть-чуть остановиться, расслабиться бы, да не пускает известный окрик сзади: "Что люди-то о тебе подумают?"

Поэтому Катя и квартиру сняла за городом, подальше от людских глаз. Подальше от людских пересудов. Кате не спалось, тревожно было как-то на душе или тревога была за себя или за него; отчего-то страшно поднывало сердце. "Еще толком не жила, а уже сердце побаливает", - подумала она. В предутреннем мерцании звезд через оконную перегородку стекла Катя попыталась найти свою желтую звезду, одной только ей светившей на этой земле. Окна были низкие, поэтому сегодня особенно было хорошо видно ее подружку. Такая же одинокая, нет у тебя мелких звезд рядом.

Тихо и совсем безрадостно наступало утро, взяв в свои руки бразды правления. Ночь сменила новое ожидание, ожидание, быть может, чуда, хотя чудес на свете не бывает, они ведь только в сказках, и принцев на белых конях тоже не бывает.

Катя потянулась, по ее лицу скользнул солнечный луч. "Вот и здорово, - люблю солнышко, а не дождь: оно хоть согреет", - подумала Катя. Заученными движениями, скорее машинальными, она начала собираться на работу. Прогладила юбочку, поправила складки на кофточке. Завязывая роскошный бант-воротник. Мысленно про себя отметила: "Хороша!" Она действительно осталась довольна своим внешним видом, последним штрихом карандаша она, как говорил ее знакомый, свои карие глаза превратила в хитрюще-лисьи. Все готово!

До отправления автобуса осталось десять минут, легкая пробежка не помешает. "Скорее, Катя, скорее", - подгоняла она себя. Пригородный автобус уже ждал своих пассажиров. Пропуская Катю вперед, молодой человек галантно, так кланялись в старину придворные, развел руки в стороны. Катя, подыгрывая в тон ему, присела в глубоком реверансе. Оба они, не сговариваясь, рассмеялись сделанному.

Катя, поправляя свои пушистые волосы, прошла вперед, за ней последовал молодой человек.

"А ничего, так, - про себя отметила Катя. - Любит подураться, видимо, без комплексов. Обожая без комплексов".

- А вы без комплексов! - услышала она мягкий баритон. - Любите подураться, вернуться немного в детство, я не ошибся? Николай, - и он уверенно протянул ей свою ладонь.

- Вы так всегда знакомитесь с девушками?

- Оригинальность - сестра обаяния. Или вы со мной не согласны? Так как же звать принцессу?

На них уже поглядывали со всех сторон мерно трясущиеся в автобусе горожане.

- Екатерина Великая, - ответила ему Катя. - По-английски - Кэт, по-французски - Катрин, по-немецки - Кэтрин, - продолжала она.

- Вы куда едете?

- Это что: допрос или продолжение игры?

- Рыцари святого ордена не играют в игры, а уже если спрашивают, то не любопытства ради, - ответил Николай.

- На работу, на работу, - засмеялась Катя.

- А вы знаете, что принцессам вредно работать, дабы ручки их белые не сушило солнце, ледяная вода и прочее, прочее, прочее.

- Все бы так рассуждали, - вмешалась старушка, - а вот женись - из лебедушке нас в ломовых лошадях превращаете! Не слушайте его басни, девушка. Мягко стелит да колко спится.

- Цветочная, - протрещал голос водителя в испорченный мегафон.

Катя заторопилась к выходу.

- Такого не бывает, нам с вами, принцесса, верно, по пути? - проговорил Николай, подавая ей руку со стороны тротуара.

- Но учтите - я вредная, противная, капризная, своенравная, - выдохнула все Катя.

- Принцессы все такие, - ответил ей на ходу Николай.

- Давайте знакомиться дальше. Я лекарь, лечу безнадежно больные души, сердца, в общем, людей, у которых на время пропадает улыбка. Доктор я. А вы - мой ангел? - он обратился к Кате.

- И я врачеватель, как ни странно, работаю в Областной больнице.

- Я предугадал наш путь: мне действительно с вами по пути.
- Вы в каком отделении? - теперь уже спросила его Катя.
- Пока нигде и ни в каком - иду на работу устраиваться по направлению от Облздздрав.

- Серьезно к нам? - неожиданно для себя спросила Катя и улыбнулась.

Странно, знала она его каких-нибудь полчаса, а, казалось, что прошла вечность. Ей было просто с ним, как никогда еще ни с кем и нигде.

- Я кардиореаниматор.

- Ура, - подпрыгнула Катя и смутилась, застыдилась что ли своего поступка. - Значит к нам, - продолжила она.

- Я работаю медсестрой в этом отделении.

- Принцесса, не сдерживайте свои эмоции. Хочется кричать от радости, - так кричите, петь - пойте!

- Можно узнать, вы к нам надолго? - осведомилась Катя, зная, что реаниматоры у них долго не задерживались.

- Не знаю, может быть, навсегда. Не буду загадывать, а то, не дай Бог, огорчу мою Принцессу.

- А что, я уже стала вашей? - многозначительно посмотрела на него Катя. - Или мы уже перешли на "ты"?

- Наши чувства перешли на "ты", Катюша. Далеко еще до больницы?

- А что? - опять задала глупый вопрос Катя.

- Значит у меня еще есть время, - он спустился с пригорка тихонько подкрался к ветвистой благоухающей сирени за забором какого-то домика, сломил веточку и довольный преподнес ее Кате.

- Мило, мило с вашей стороны, - похвалила его Катя. Он улыбнулся ей в ответ.

Катя убыстрила шаг, до пересменки оставалось ровно десять минут, надо торопиться. Она так и вбежала на крылечко больницы с улыбкой на лице и с цветами в руках.

- Я не прощаюсь, Принцесса, буду ждать тебя после работы у выхода, здесь у калитки больничного дворика. Не надеюсь, что приступлю к своим обязанностям. Бухгалтерия, буквоеды - все на букву "Б". Прощай!

Но Катя прикрыла уже парадную дверь, вбежала по лестнице на третий этаж и даже не почувствовала, что говорила, с кем не помнила, отвечала кому не знала. Все и все перемешались в этот день, день везения, а, может быть, оно было мимолетным.

"Не придет, не надейся", - подсказывал ей внутренний голос. А сердечко стучало и стучало, лихорадило давно уже свыкшуюся с повседневностью душу, ворошило пластами прошлое, неуверенно открывая дверь настоящему.

Процедуры, уход за больными, инъекции.

- Катя, ты что такая рассеянная, что с тобой, девочка? - одернула ее Катя большая, - старшая сестра отделения, - Екатерина Максимовна.

Но ни с кем, ни с кем не хотелось делиться своей радостью Кате, чувствуя как необычные силы жизни вкачивают в нее просто насосом. Перекусив бутерброд с чаем, Катя дождалась обеда, а время как будто застыло, посмеивалось над ее чувствами, тянулось предательски медленно, натянуто.

- Катя, да ты сегодня светишься вся, влюбилась, наверное? - остановила ее подруга Ксения.

- Не знаю, не знаю. Не спрашивай, пока еще ничего не знаю, потом расскажу. Не сегодня, не обижайся, - мягко отстранилась от вопросов и расспросов Катя.

Время пересменки. Катя сдала смену Вере Николаевне. Она всегда приходила менять ее пораньше, зная, что Кате далековато ехать.

- Иди, Катюша. Я все доделаю сама.

Катя чмокнула Веру в щечку и, схватив свои цветы, убежала. Она вышла из больницы и, конечно же, увидела его там, где-то вдали больничного дворика. Катя ворвалась с места и бегом, раскинув руки, как это делают дети ясельного детсадовского возраста, побежала ему навстречу. Он ждал ее с большим букетом сирени. Вдруг Катя почувствовала сильные грубые мужские руки на своем плече.

- Катя, я пришел, здорово! - проговорил, останавливая ее, Алексей.

- Не мешай, уйди с дороги и больше меня не тревожь, - с глаз

Кати сбежала слезинка.

Николай шел ей навстречу и цветы колыхались у него в руках, словно подпрыгивали в такт шагам. Алексей крепко схватил ее за руку.

- Не пущу! - проговорил он тихо.

Катя вырвалась и побежала к Николаю навстречу.

- Мразь, шлюха, - услышала она за спиной.

Николай уже подхватил ее. "Только бы он не услышал, что сказал этот подонок", - подумала Катя и вдруг губами почувствовала его жаркий поцелуй.

- Шлюха, подзаборная шлюха, - прогремело где-то над головой.

- Прости, Принцесса, кто-то обижает Ваше величество.

Николай подошел вплотную, держа Катю на руках, как ребенка, и сказал прямо в лицо Алексею:

- Для тебя, подонок, - шлюха, а для меня - Принцесса. Уйди, мразь, и никогда не смей обижать принцесс. Не станешь никогда человеком, учти!

Он опустил Катю на землю, взял ее за руку и они прошли мимо Алексея, как проходят мимо давно не убиравшейся помойки, морщась от запаха, от ее вида.

Счастья вам, Принц и Принцесса! Чудеса да и только, а ты говорила, Катя, что чудеса бывают только в сказках.

Подснежники

Мартовское солнце ослепительно заявляло с высоты дальней или далекой о великом пробуждении, имя которому "Весна". Лужи и лужицы сверкали своей бездонностью на тротуарах, приглашая пробежаться по ним, на секундочку ощутить себя в мире детства шальном и беззаботном. Так хотелось сейчас шлепнуть сапожком, чтобы брызги во все стороны. Галинка неумолимо сдерживала себя. Сам собой рождался в голове какой-то мотивчик, она тихонечко стала его насвистывать, так для настроения, просто

хорошо было и все. Галинка сдала свой первый экзамен. Впереди еще - уйма, но это будет впереди, а сейчас так мечталось подурчиться с кем-нибудь, таким же шальным, бесшабашным.

"Люди, улыбнитесь, пожалуйста! Весна ведь!" - так хотелось во весь голос закричать им, всем тем, кто попадался ей навстречу. Людской поток будто не чувствовал весны, не слышал ничего и никого. Женщины с неулыбающимися лицами, мужчины, ушедшие в себя, какое-то серо-скучное безмолвие, отрешенность от этого мира что ли, обыденность.

Галинка на минуточку даже приостановилась, задумалась о повседневной серой жизни. Ее больно толкнули. Галинка обернулась:

- Поосторожнее нельзя, - осведомилась Галинка.

- Извините, - проговорил человек в сером плаще, фетровой в тон плащу шляпе и белоснежной рубашке, воротник которой красиво выглядывал из-под кашне.

- Вы торопитесь? - спросила Галинка, чувствуя его недоуменный взгляд.

- А вы - нет? - теперь уже переспросил ее молодой человек.

- Нет, мне даже некуда идти: домой не хочу, в парк не с кем, подруги только к вечеру освободятся, так что свободна, как птица в полете.

Галинка улыбнулась сказанному, она любила это выражение за масштабность. Незнакомец улыбнулся ей в ответ.

- Прекрасно, когда тебе встречаются люди, не потерявшие улыбку в этой суете, - и человек в сером развел в сторону руки, вычерчивая то ли круг, то ли еще что-то необъяснимо-непонятное.

- А вы куда идете, если не секрет? - задала ему вопрос Галинка.

- В детский дом. Банальная история и сейчас почти несовременная, иду проведать того, кто обо мне заботился очень много лет, - он на минуточку замолк, видимо вспоминая что-то из детства и лицо его просветлело от улыбки. Да, да, именно просветлело.

Галинка не заставила себя ждать.

- Пожалуйста, дело-то благородное.

- Валентин, - взглянул на Галю незнакомец.

- Галина, - ответила ему девушка.
- Не было заделья, да дело само тебя нашло, - заключающе проговорила Галина.
- Так мы идем или нет? - переспросил Валентин.
- Если только вместе будем шлепать по лужам и лужицам, как в детстве, слышите, Валя?
- Нет, про детство не хочу слышать, лучше про юность давайте.
- А что, такое было детство пасмурное?
- Да почти никакого не было. Вспомнить нечего и некого. Мать вот только помню, любил я ее, до смерти любил. Прощал ей выпивки, пьяные скандалы, сожителей ее постоянных видеть уже не мог, но любил ее, верите? - обратился он к Галине.
- И что же дальше?
- А дальше было все как в плохой сказке: ни фей, ни царевичей, ни дедов Морозов. Умерла она, - Валентин помолчал, прикрывая глаза, как бы опять вспоминая.
- Вы знаете, где она похоронена? - почему-то спросила Галинка.
- Знал, но кладбище было старым и его затопило, - все ушло под землю. Все: могила, холмик, она. Все, понимаете? - Валентин глянул на Галину, та притихла и только покрепче взяла его за руку: "Мол, держись, держись..."
- Вот такая грустная история, сегодня день смерти мамы. Приехал я издалека в свой родной город.
- Пойдемте, Галя, а то ноги промочите, нам еще далеко идти. Специально пойдем пешком, ладно. Так хочется посмотреть - что отстроили новое, что осталось старое. Мы пацанами часто из детства убежали посмотреть свет. Ловили, правда, на первой станции нас, возвращали домой, наказывали, а тяга к странствию осталась. Не могу подолгу жить на одном месте, хорошо что профессия позволяет. Геолог я. А вы - учитесь, работаете? - обратился Валентин к Гале.
- Рассказывайте, рассказывайте, обо мне потом, ладно? - попросила его Галинка.
- О чем вам рассказать? Да и рассказ-то не из веселых. После

смерти матери почти год побирался, да, самым натуральным образом. Взяла меня к себе тетка по матери, тетка Дарья, старая, больная женщина. Не успели девять дней справиться тетка Дарья умерла: давление у нее высокое было и боли головные ужасны. До меня после ее смерти дела никому не было, в Районо посчитали, да скорее всего записали со слов соседки, якобы меня взял к себе материн брат, Иван Степанович Тумин. Но не видел я его никогда ни при матери, ни тогда, когда умерла тетка Дарья. Потом еще как-то кормился: где на базаре, кто подаст, а потом не выдержал, сам пошел в детдом, знаете, тот, что на окраине города, - Валентин вопросительно посмотрел на Галю.

- Да, хотя, дело понятное, откуда вам знать, лучше об этом никогда не знать, не чувствовать, не переносить и еще тысячу "не".

- Вы знаете, Валентин, я правда не была ни в одном детском доме. Не приходилось, - тихо ответила Галина.

- И хорошо, не нужен он, когда есть к кому прижаться. Он ведь всех не обогреет; это только названия им почему-то дают ласковые да добрые. Наш, например, назывался "Лютик". Нежно, как сам этот цветок. Не знаю с тех пор не люблю я цветов вообще никаких, стараюсь их только покупать один раз в году, в этот день. Вы не знаете, где здесь есть киоск цветочный или базарчик? - спросил он Галю.

- Сейчас будет. Он здесь недавно открыт лицами "кавказской национальности", скажем так. Сразу за поворотом, направо, - ответила, показывая рукой Галина.

- Какие будет дарить цветы?

- И кому?

- Простите не дорассказал. Взяла и попросту выходила меня Таисия Ивановна. Забили меня в детдоме, об этом не пишут, не говорят и фильмов не снимают, а то знаете какой бы фильм ужасов получился, если в цвете все снять, вспомнить страшно. Таисия Ивановна работала через день нянечкой. Вы знаете, Галя, лет ей было не очень много, но мы все называли ее не тетя Тася, не еще как-нибудь, а именно Таисия Ивановна. Она училась, а в ночь подрабатывала. Трое нас у нее любимчиков было: Ленка, Сережка и я, - продолжал Валентин. - Ленка с Сережкой поженились, не

дождавшись восемнадцати лет, завербовались, уехали на север. Сейчас сынок растет пухлячок такой. Валечкой назвали, наверное, в мою честь, не знаю, да, думаю, в мою. Они на свадьбу приглашали меня да Таисию Ивановну, а больше никого не звали из персонала детского дома. Тогда Таисия Ивановна уже в этом детском доме работала воспитателем. Помню скандал ей закатила директриса, так, видимо, и не поняла за что мы любили Таисию Ивановну. Ревность в ней проснулась. Согласитесь, обычно директоров приглашают, завучей, а тут - воспитателя. Не вписывается, да? - Валентин взглянул на Галю.

Галинка шла медленно и слушала, слушала, слушала. Она была единственной в семье. Начиная с прабабушки все в доме охраняли ее покой и сон, словом, нянчились все, баловали как хотели, покупали игрушки какие хотела она, маленькая Галинка.

Матери ее, Ирине Алексеевне, запретили рожать, но на свой страх и риск, женщина ослушалась докторов. Роды были очень тяжелые и, как рассказывала Галинке впоследствии бабушка Клава, мать выписали из больницы, когда Галинке исполнилось девять месяцев. Ее практически готовым ребенком вручили Ирине Алексеевне. Девочка росла слабой и болезненной, видимо, сказался диагноз матери: туберкулез костей, поэтому над Галинкой дышать боялись. Все первое - ей, все свежее - тоже ей. При все той заботе со стороны взрослых девочка росла не эгоисткой, была готова откликнуться сразу на чужую беду и горе, как говорила убеленная сединами бабуля Аня, прабабушка Галинки: "Справная растет девка".

Валентин остановился перед большой лужей. Обойти ее было невозможно.

- Наверное, придется вплавь, - рассмеялся он. - Вы плавать умеете? - осведомился он у Галинки.

- Нет, с детства боюсь воды! - сказала Галя и зажмурила глаза от страха.

- Сделаем так, - решительно ответил Валентин. - Вон видите кто-то строится? Давайте возьмем займы у них несколько кирпичей, ну, что пошли?

Галинка, улыбаясь, согласилась. Они построили из кирпичей

переправу и не заметили, как оказались на противоположном берегу данной преграды.

- Галя, смотрите какое многоцветье!

- Как ни странно фиалки и тюльпаны и, простенькие, но чисто женские добрые что-ли.

- А мимозы? - переспросил Валентин.

- Нет, желтый цвет вообще ни в чем не люблю, скучный - не для радости.

- А ведь и правда, когда мама умерла, тетка Дарья купила огромный букет желтых хризантем, потом они на могиле у мамы смешались с цветом песка, желтое живое на мертвом холмике страшно, да?

Они помолчали, остановились.

- Галя, выбирайте, - и Валентин пропустил ее вперед.

Проходя между рядами, где бойко их приглашали к себе торговцы, просто-таки зазывали. Галина задержала свой взгляд на букетиках подснежников. Фиолетово-белые, они излучали нежность и тянули тоненькие ножки с венчиками ей, Галине, в руки. Продавала их немолодая женщина лет шестидесяти, но она так бережно защищала их от ветра, как будто это был не букетик, а головка ребенка.

- Валя, давайте возьмем вот эти цветы. Не знаю как вам, а мне они очень нравятся, - проговорила Галинка с восхищением.

- Сколько, - спросил Валентин у женщины, поднимая на нее глаза.

- Берите так, - ответила ему та.

- Таисия Ивановна? Но почему здесь, почему, скажите.

- Здравствуй, Валечка! - ответила ему женщина.

Валентин просто-таки обежал прилавок-столик, прижался к ней и они стояли так долго-долго никого и ничего не замечая.

- Родная моя, голубушка, почему здесь, почему? - повторил свой вопрос Валентин.

- Валечка, весна, ты забыл, дорогой, наши походы в лес, когда мы набирали охапки цветов и дарили их людям просто так, вспомнил? - посмотрела на него Таисия Ивановна.

- Вспомнил, дружок? Вижу, что вспомнил, я нашей тради-

ции не изменяю, хороший мой. Вы разъехались, одной дарить как-то неудобно, вот и дарю здесь, шокирую в общем, а может быть, возвращаю к радости серые лица в серых буднях.

- Заговорила я тебя совсем, - обратилась она к Валентину.

- Ты женился? Твоя спутница? - и Таисия Ивановна обратилась теперь уже к Гале. - Здравствуй, лапочка, здравствуй, моя хорошая.

Галинка была поражена добротой ее светящихся глаз. В ней располагала все: одежда, неброское костюм-пальто, в тон ему был и макияж, а вот морщинки у глаз говорили о том, что она часто улыбалась. Но основное составляли глаза, большие, синие, добрые, предельно внимательные ко всему на свете.

- Это Галя, - познакомил их Валентин. - Я ее встретил сегодня и уже три часа путешествую с ней по городу. Специально зашли на базарчик купить цветов для мамы, вы ведь помните, да, какой это день для меня.

- Валечка, я восстановила могилу твой матери. На новом кладбище разрешило высокое руководство поставить единый памятник с фамилиями тех, чьи могилы не удалось спасти. Пойдемте помянем.

Таисия Ивановна посмотрела вопрошающе на Валентина. Валентин вдруг обнял ее, прижался с поцеловал.

- Спасибо, родная, хорошая вы наша.

Таисия Ивановна передала букетик подснежников Галинке, а остальные вручила Валентину.

- На, Валечка, не будем нарушать традиции.

Таисия Ивановна прошла вперед с цветами, Валентин за ней с Галинкой. Так они прошли до автобусной остановки, раздавая встречным цветы. Люди, уставшие от суеты, подчас не понимали их порыва, но цветы брали и улыбались, улыбались, улыбались.

Чувство Галинки трудно было передать, да и она не думала о своих чувствах, ей действительно было очень хорошо с ними и она готова была идти с Валентином и Таисией Ивановной хоть на край света. А может быть, он именно такой это "край света", где люди пытаются сделать что-то хорошее для другого. Во всяком случае "край света" сегодня существовал для Галинки, это точно

и имя ему - милосердие. Милые сердцу люди, милые сердцу дела - милосердие.

Детдом

Весна, подступающая как кудесница к городу, все больше и больше заявляла о себе. Катюшка, улыбаясь утреннему солнцу, вдыхая неповторимость распутившихся березовых сережек, приближалась к своей швейной мастерской.

Работала она с азартом что ли, вдохновение не покидало ее ни тогда, когда пришивала пуговицы к почти уже готовой вещи, ни тогда, когда по сложным лекалам выкраивала лоскут материи, создавая своими руками внешность женщины. Она согласна была с пословицей "По одежке встречают, по уму провожают" и, наоборот, поэтому делала свое дело умело, качественно и быстро, выдумывая из ничего красоту. И в эту красоту, деловую ли, ситцево-летнюю ли, одевала женщину: подругу, мать любимую.

Это была одна сторона медали. А другая, самая главная теперь для нее, заключалась в том, что они с Сережей подали заявление в ЗАГС, месяц на обдумывание и приготовления - и прощай ее вольная жизнь, от которой она практически устала и в свои двадцать шесть лет, можно сказать, не надеялась на счастье да и перестала верить в сказочных принцев давным-давно.

Он ворвался в ее жизнь с разбегу, выделив ее и только ее среди подруг девчонок, приглашенных на день рождения к Светлане. Первое и последнее танго с ней, вальс еще больше сблизил их. Про таких парней бытует народная мудрость "Усы и шпага - все при нем". Сережа был старше на два года, но выглядел очень молодо, видимо, занятия спортом сыграли свою роль и далеко не последнюю роль.

Они понравились друг другу сразу после того, как Светик начала обряд знакомства. Катюшка картинно присела и сделала реверанс, от чего рассмешила всю компанию. Сережа поклонился ей в ответ и поцеловал руку. Сцена напоминала восемнадца-

тый век и друзья окрестили их "принцем и Золушкой".

Принц пригласил Катюшку на следующий день отметить полнолуние, пройтись по парку по золоченной от лунного света аллее и она согласилась. Они

шли по усыпанному звездами парку и звездочки-путешественницы смотрели удивленно на них со дна глубокого пруда, в котором они отражались, как в зеркале. Катюшка накинула на плечи "дежурный" Сережин свитер, прижалась к нему и была до умопомрачения счастлива близостью с таким красивым, с таким высоким, с таким мужественным человеком, имя которого - Сережа.

Домой совсем не хотелось возвращаться, за Сережку пока некому было волноваться - его родители уехали в Гудауту отдыхать по туристической путевке. Неожиданно Катюшка сняла босоножки и предложила Сергею пробежаться на перегонки вот до этого увесистого и раскидистого векового дуба. Он принял ее предложение с усмешкой, мол, посмотрим, что из этого выйдет: я ведь спортсменом был когда-то. Как ни странно, Катюшка обогнала своего принца, хлопнула ладошкой по дубу, как бы заверив, что она первая. Победенный по правилам игры должен был исполнить любое желание другого. Катюшка, недолго думая, прокричала: "Поцелуй меня!" Сережка очень галантно чмокнул ее, не позволяя себе лишнего, наверное, побоялся обидеть ее, свою Золушку.

Они вернулись домой под утро веселые и счастливые, казалось, знающие друг о друге все на свете, еще больше влюбившись друг в друга.

Катюшка воспитывалась в детском доме, затем в интернате, поэтому тему родителей Сергей старался обходить стороной. Мама - врач, доцент, преподает в Мединституте, отец - трудяга, шоферит шестнадцать лет. Сережка единственный ребенок в семье да

это и не важно, теперь их у мамы будет двое. "Она всегда мечтала о девочке да, видимо, не получилось", - усмехнулся Сережка, обнимая Катю. Катюшка была счастлива и еще крепче прижималась к своему "принцу".

Их влюбленный весенний месяц распался и рухнул к ногам в один из вечеров, когда вернулись из отпуска родители Сергея. Окрыленный счастьем Сережка потащил Катюшу знакомиться с родителями.

- Идем, ты обязательно понравись маме, красивая ты моя, нежная.

Просто вбежав по лестнице, они остановились перед хорошо обитой рейками дверью, почти одновременно протянули руки к звонку-пуговке. От чего еще больше развеселились, такие смеющиеся и счастливые оказались на пороге коридора.

- Мама, это Катя. Я ее очень люблю, - выпалил Сережка женщине с закрученным и собранным на затылке пучком волос. Глаза ее не выразили удивления и лицо вообще было какое-то недоброе, от чего у Кати пробежал мороз по коже.

Она была чем-то похожа на Евдокию Петровну, воспитателя спецшколы, которую окончила Катя. Улыбка, озарившая лицо Кати, уже сползла и она приготовилась к вопросам. Так оно и вышло.

- Мне надоели твои увлечения, опять на день или два?

- Мама, мама, можно мы пройдем? - начал Сережка, заслоня собой Катю.

У Кати было желание хлопнуть дверью и уйти, но в дальнейшем все равно придется налаживать отношения с этой женщиной, хотя бы на том основании, что она была матерью Сергея; они уже заявление в ЗАГС подали.

С порога, не пропуская в комнату, мать Сергея осведомилась о ее родителях. Допрос продолжался и становился все невыноси-

мее.

- У меня нет родителей. Я детдомовская, - ответила Катя, как можно больше вкладывая уверенности и гордости в свои слова.

- Так и генфонд, наверняка, подпорчен, - съязвила женщина, назвавшая себя матерью Сережки, такого не похожего на нее и почему-то стоящего и молчащего в ответ.

- Родители, наверное, алкашами были? - узкие губы ее растянулись в ехидной улыбке.

- Мама, замолчи, - Сережка сжал кулаки.

- Вот так теперь всегда детдомом тыкать будут.

Она бежала к остановке, не слыша за собой шагов Сергея. Заскочила в первый попавшийся автобус, ей было все равно куда ехать, лишь бы уехать от распросов, лишь бы немного прийти в чувство.

Его она больше не ждала, на работе поделилась с мастером о своем горе и та выбила ей путевку в санаторий подальше от места столь оголтело надругавшегося над ней, перечеркнув все хорошее, что было в жизни, оставив след кровоточащей раны.

До отправления поезда осталось пять минут. "Поехали, Катя". Она провожала взглядом убегающие на ходу поезда, дома, станцию, твердо решив в этот город не возвращаться.

"Подыщу за время отпуска себе работу там, где меня никто не знает. Прощай, весна, прощай мой город, летом окажусь в другом измерении" - думала она, отъезжая от города.

Грустный мальчик

Танюшка, опаздывая на работу, мельком глянула на часы из окна троллейбуса. Часы на летней башне показывали без десяти девять. Опять нагоняй получу, но с окраины до города невозможно доехать вовремя.

"Мерседеса" у нее не было, машины у знакомых были припаркованы на зиму и надеяться на них было ни к чему, хотя летом

ее довольно часто подвозили друзья. "Но то было летом, до лета еще далеко", - так в автобусной суете рассуждала Танюшка, пока взгляд ее не упал на сидевшего впереди нее мальчика.

Ребенку, по всей видимости, было пять или шесть лет. Внешность у него соответствовала маленькому старичку: плотно, почти на глаза надетая, вязаная шапочка, плечики сутуло сторбленные, пальтецо, из которого он давно вырос. Все подчеркивало убогость его одеяния. Но больше всего бросался и западал в душу взгляд ребенка. Такая великая печаль была в них, такая невысказанная боль.

Кондуктор через каждую остановку его спрашивала:

- Тебе далеко ехать, своей остановки не проедешь? - вопросы были вроде бы участливые, но мальчик сидел молча, не поднимая на нее головы.

Танюшка продвигалась к выходу, неожиданно почувствовала, что ее сумочку кто-то оттягивает вниз. Танюшка по инерции посмотрела, ища глазами вора, но увидела руки того самого мальчика, он взялся за ремешок сумки и опять печально оглядел ее.

Она, не зная что делать: сопротивляться или нет, немного встревожилась. Если мальчик - вор, то почему так открыто: рванул бы ремешок и убежал, а он, наоборот, крепко вцепился в сумочку. Прокручивая все это, Танюшка наклонилась и спросила:

- Ты что хочешь, малыш?

Мальчик вздрогнул, но руки с ремешка сумочки не убрал, так они и вышли вместе на остановку.

- Есть хочешь? - опять спросила Танюшка.

- Да, - тихо прошептал "маленький старичок".

- Ты чей?

- Ничей, - прошептал он.

- Нет, подожди, друг, у каждой девочки и у каждого мальчика есть мама, папа. Они уже ищут тебя повсюду, - медленно, как бы объясняя, начала Танюшка.

- Возьми меня к себе!

От неожиданности Татьяна растерялась, повернула мальчика к себе, села перед ним на корточки, так что теперь ее глаза и глаза малыша встретились.

- Ты это серьезно? - запинаясь через каждое слово, проговорила Татьяна, видя как у мальчика показались слезы.

- Ты только не бросай меня, пожалуйста. Я тебе все буду делать: хочешь за вином пойду, хочешь хлеба куплю, хочешь обувь по

утрам буду чистить. А спать могу в ванной, в сарае, где скажешь, - он стремительно обхватил колени Татьяны, уткнувшись носом в ее юбку.

Танюшка не в силах была двинуться дальше. Что это? Картинный жест или страшная правда? Испытанный вариант перед прохожими на чувство сострадания или детский порыв откровенности? Как среагировать, как правильно поступить?

- Малыш, пойдем поедим пельмешек и все с тобой тогда обсудим, - опять наклонилась Татьяна к ребенку.

- Ты накормишь меня и бросишь? Или просто хочешь оставить меня там, чтобы уйти, - и он еще сильнее обхватил ее ноги.

- Тебя как звать, малыш?

- Степа, наверное.

- А почему наверно, ты что не знаешь?

- Так называл меня дядя Толя, я у него неделю жил в Сосновке. Мы с ним еще на поезде домой возвращались. А в пятницу тетя, которая приходит к дяде Толе, меня выгнала, сказала, чтобы уходил. Дядя Толя не возражал.

- Он родственник твой? - пыталась найти истину Татьяна, малыш прервал ее.

- Он хороший, только пьет очень, покушать мне давал, я у него в сарае жил с курицами, там тепло, только вот у него петух злой, он больно клевался.

Танюшка взяла на руки малыша, открывая дверь "Пельменной". Степа вцепился в нее еще сильнее и был похож на брошку, неудачно подобранную к платью. Смотрел на Татьяну глазами,

нет, глазами, полными страха, боли и печали.

- Нам две порции, - проговорила Таня, протягивая деньги продавцу. Они так странно смотрелись вместе: раздетая молодая мама и заброшенный грязный ребенок.

Танечка опустила свою ношу на стул, пошла через весь зал к раздатке. Степа стремительно схватил вновь ее сумочку, прижался к ней улыбаясь. Зная, что без сумки эта тетенька никуда не уйдет, а, значит, не оставит его здесь одного, как это делала тетя Люда, тетя Катя и многие другие, его бывшие знакомые.

Танюшка возвращалась постукивая каблукочками.

- Сумку отдай, кушать будет неудобно, - проговорила Таня малышу Степке.

Но тот как будто бы не слышал, что к нему обращались, вцепился в сумочку еще сильнее.

- Нет, друг, так не годится, садись хорошо. Давай ее сюда.

Малыш, поглядывая то на еду, то на нее, отдал сумку, видимо, давно не ел, а от пельменей исходил вкуснящий дух. Он медленно протянул ей сумочку, сам взял в руку ложку, почему-то в левую.

- Тебе что так удобнее кушать?

- Ага, - ответил Степка, проталкивая по два пельменя внутрь.

- Давно не ел, Степа?

- Очень, очень давно не ел. Завтра с тетей Людой ел пряник и чай.

- Вчера может быть? - улыбнулась Татьяна, глядя на малыша.

"Интересно, кто его родители, где он живет? Куда я теперь с ним? Надо в милицию отвести или нет. Вообще не знаю, что в таких случаях делается", - все эти вопросы-ответы не давали ей покоя.

- Я от тебя не уйду, - поймал на ходу Танюшкину мысль малыш.

- И что же я буду делать с тобой? - задала она вопрос одновременно себе и Степке и себе.

И как бы отвечая на него, вдруг неожиданно спросила у Степки:

- Поехали к моей бабушке, ты знаешь, Степа, какая она доб-

рая хорошая? Согласен?

Мальчик недоверчиво посмотрел на нее.

- А ты будешь приходить ко мне?

Танюшка протянула руку, чтобы погладить ребенка по вихрам, он поймал ее ладонь и прижал ее к своим губкам. Подержав минуточку, опустил. И они вдруг оба заплакали: первая от сострадания, второй от жалости, что эта тетя не его мама.

Таня привезла его к бабушке, рассказала ей его историю. Анастасия Петровна согласилась оставить ребенка у себя. А Танюшка завтра должна была заняться выяснением личности, так это называется на сухом казенном языке закона. Кто он, откуда, чей?

Мальчика испугали, напарили в бане и уложили спать. Он уснул сразу же, как только коснулся головой подушки. Спал очень беспокойно, постоянно вскрикивая, вздрагивая во сне, видимо, снились сны о прошлом, таком грустном и невеселом в пять с небольшим прожитых лет.

"Если детдомовский - добьюсь опекунства. Если есть родители - добьюсь лишения их родительских прав. Все равно оставлю его себе", - рассуждала Танюшка ложась спать. Еще и еще раз подоткнув сползавшее одеяло с кровати, на которую уложили Степку. Ночью Степка подошел к Танюшкиной кровати, сел на уголок матраца.

- Ты меня не выгонишь? Не отдашь? - проговорил в темноту Татьяне Степка.

Танюшка проснулась, поцеловала его подвигаясь?

- Ложись, вместе теплее будет. Спи, мой хороший. Спи, ночью детки должны спать и ни о чем не думать.

Полинка

Полинка родилась под утро. Горластую, требующую еще непонятно чего, ее понесла акушерка Иринке. Ирина почему-то была уверена, что родится мальчик, они даже имя ему уже давно при-

думали, решили назвать в честь деда - Георгием. Плохо соображая, что ей говорят, Ирина посмотрела на девочку. А маленький комочек почти закатывался в крике.

- Тише, тише, - успокаивала девочку Таисия Ивановна.

Ребенка унесли, а над Ириной еще битый час колдовали врачи, медсестры, переговариваясь лишь только на одном им понятном языке. Иришка была далека от медицины, поэтому особо не вникала в слова врачей.

Наконец, ее привезли в палату и ей нестерпимо захотелось посмотреть на ребенка, подержать

его на руках. Детское отделение было совсем рядом с их палатой. Иринка прислушивалась в плачущие голоса детей и старалась выхватить свой родной, только дочери ее крик.

Скоро утро, уже светает, в палате их четыре роженицы и у всех девочки. Двоих скоро выпишут, а вот Галя - соседка по койке - останется с ней. На правах умудренной в этом деле женщины (у Галины Светочка была третьим ребенком) та стала учить Иринку, что нужно есть, чтобы быстрее появилось молоко. Принесла ей молоко и кефир, заставила выпить.

- Тебе теперь молочное необходимо. Замужем? - осведомилась она.

- Да, конечно, а почему вы спрашиваете? - Ирина поняла, что вопрос был дурацкий и никчемный.

- Ребенок первый? - продолжала Галина.

- Да, конечно, - опять так же ответила Иринка.

Утром в шесть утра принесли кормить девочек, эдакие маленькие беленькие свертки.

- Вот моя.

- А это - моя, - разбирали деток молодые мамы.

К кровати Иринки подошел врач.

- Ирина Александровна, - уж как-то строго начал врач. Иринка вся сжалась.

- Нет, только не это, - почти выкрикнула ему она.

- Прошу вас, успокойтесь. Девочка родилась с патологией. У нее недоразвита кисть руки, на левой ручке не хватает трех пальцев.

Палату пронзил крик Ирины:

- Нет, нет, нет! Все ведь было хорошо! Не может быть.

- Это не страшно, другой патологии я не обнаружил, девочка здорова.

- Нет и еще раз нет! Покажите ее. Я хочу видеть свою дочь.

Она рванулась с кровати и застонав опустилась на пол, на секундочку потеряла сознание от боли. Ирину санитарки уложили на кровать.

- Прошу вас, покажите мне ее.

Врач не противился. Через несколько минут внесли такой же беленький конвертик. Спокойно посапывающий и не орущий, как другие.

- Разверните, - сказал врач медсестре.

Действительно, у девочки не хватало три пальчика: большого, указательного и мизинца.

- Это был желанный ребенок в семье? - как-то заученно спросил врач.

Ирина, не отрываясь, смотрела на девочку:

- Мы вообще-то хотели мальчика, Георгия-победоносца, - шепотом проговорила Ирина.

- Вы поговорите с мужем сами или мне это сделать? - спросил ее доктор.

- Не знаю, ничего я не знаю, - Ирина закрыла лицо руками и разрыдалась.

- Успокойтесь, сейчас готовят хорошие протезы, - продолжал доктор.

- Зачем она мне такая, - не спеша проговорила Иринка, - да и Толик будет против.

- О чем вы? - не сразу понял доктор. - Вы хотите оставить ребенка? Вы соображаете, что говорите?

В палату вошла медсестра.

- Кто Иванцова? Записка вам, - не дождавшись ответа, протянула записку Ирине.

- Не хочу! Не хочу!

- Ирина, вы взрослый человек, успокойтесь, а с вашим мужем я сам переговорю, - врач поднялся и вышел.

"Иринка, целую. Девочка так девочка", - было небрежно, видимо в спешке, написано рукой Толика.

- Ирина, - начала было разговор Галя.

- Вам всем хорошо сейчас говорить, у вас дети не уроды, - она смяла записку и бросила ее в угол.

- Ирина, девочка нормальная, ну и что же, что нет пальчиков, ведь не "дауненок", не с параличом. Да и тем более на левой руке, - проговорила Галя.

- Вот и бери ее себе, раз такая сердобольная, - все так же с надрывом прошептала Ирина Гале.

Через час зашла вновь медсестра и принесла еще записку для Иванцовой. Видимо, врач переговорил с Толиком: содержание и тон резко изменились. "Сволочи. Мы еще с тобой молодые, родится кто-нибудь когда-нибудь, а эту не бери, лишняя обуза на шею. Зачем нам уродец? Мать со мной согласна. Анатолий".

Ирина натянула простынь на лицо и заплакала.

- Ирочка, - послышалось ей где-то рядом. Это соседка по койке - Люся. - Бери девочку, а вдруг у тебя больше детей не будет. Мало ли что. Не слушай мужа, это твой первый ребенок, а первый он самый дорогой, поверь!

- Замолчите все! - огрызнулась Ирина.

- Девочки, оставьте ее! Пусть немного подумает, - заключила Галя, обращаясь ко всем.

Подошло время второго кормления. Уже по коридору слышны были голоса крикунов и крикушек. Иринка закрыла лицо подушкой, думая так отгородиться от настоящего.

- Ирина Александровна, кормить будете девочку? - раздался голос медсестры. Она протянула девочку, но Ирина даже не по-

шевелилась, как лежала с накрытым лицом, только еще больше натянула на себя простынь.

- Ирочка, возьми ее, она смотри какая хорошенькая, - это был голос Гали. Ирина вместо ответа отвернулась к стене.

- Девочка просит есть! - ее настойчиво окрикнула медсестра.

- Давайте я ее покормлю, - проговорила шепотом Галя. - Пусть успокоится, может одумается!

Медсестра унесла детей. В палате воцарилось жуткое молчание, все женщины презрительно смотрели в сторону Ирины.

- Я напишу отказную, - вдруг раздалось в тишине. - Будем считать, что не повезло. Пусть воспитывают другие, а мы еще себе родим...

- А ты оказывается мерзавка! - крикнула Люся. - Какой детский дом заменит ребенку мать. Нет, вы посмотрите на нее, упрямилась, а ребенку теперь страдать.

- Не хочу я ее! Не хочу! - прокричала всем Ирина.

Через неделю ее выписали. У дверей приемного покоя стоял Толик с цветами, розы были совсем завядшие.

Прошло тридцать лет и сейчас, сидя в приемной Райсобеса, Ирина Александровна вспомнила это. Да и вспоминала о Полинке она всегда, детей больше у них с Толиком не было. Бабки сказали, что кто-то проклял.

Девушка секретарь или молодая женщина, трудно определить, раскладывала какие-то бумаги, подписанные и без подписи. Левая рука была в перчатке. Девушка как будто специально стала боком к Ирине Александровне и та вдруг почувствовала к ней какую-то неизведанную тягу. "А вдруг?"

Полинку она не искала, почему - трудно сказать. Первое время Толик не разрешал, но справки навела свекровь, девочку называли Полиной и определили в дом малютки "Люттик". Девочку она не видела, но подарки в дом малютки регулярно передавала, пока они с Толиком не уехали на север, а сюда вернулась - справки нужны были для оформления пенсии. Город встретил ее безучастно, о ней давно уже здесь забыли, да и перестали вспоминать: некому было.

И вот встреча, неужели это она, моя Полина? Ирина Александровна прошла по коридору, определенно в ней что-то есть схо-

жее, родственное. Такие же большие голубые глаза, как у Толика, губы полные, такие же алые и сочные...

- Полина Ивановна, вас вызывают в отдел кадров, - услышала Ирина Александровна голос по селектору.

Девушка-женщина заторопилась и, проходя мимо Ирины Александровны, задержала на ней свой взгляд.

- Вам плохо? Вы такая бледная, может быть, чем-то помочь?

Больше Ирина Александровна ничего не помнила. Неотложка, вызванная в Райсобес, увозила ее в больницу. Врачи поставили диагноз: инсульт. Только что послужило поводом к нему очень трудно рассказать кому-либо, а объяснить тем более... Встреча, ощущение материнства или страшное одиночество. Наверное, и то, и другое, и третье вместе взятое.

Ирину Александровну похоронили в Святогорске. Чужом и родном городе для нее. Чужом от того, что не придут дети на ее могилу, родном от того, что где-то совсем рядом ее дочь Полина: девочка, девушка, женщина.

Прошлое и пришлое

Никем не обузданный ветер хлестал ветки тополя об окно. Будто стучался, просился в дом, просил открыть для него ставни для новостей и неожиданностей. Светлана давно уже перестала удивляться, жила размеренно по дневнику на каждый день, учитывая, что нужно сделать на сегодня. Танюшка была в школе.

День начался как обычно, но все рано было как-то тревожно на душе, беспокойно. На работу ей во вторую смену, а до трех часов необходимо переделать массу запланированных дел. Ход ее мыслей прервал звонок в дверь. Нет, она никого не ждала, может быть соседка, тетя Маша, заглянула за чем-нибудь?

Светлана смело открыла дверь. На пороге стоял мужчина, взгляд их встретился.

- Здравствуй, Света! Я приехал, - попытался продолжить свою речь стоящий.

- Зачем, - прервала его она. - Зачем ты приехал? Ведь, кажется, у нас с тобой уже был разговор на эту тему, да и не нужен ты мне, поверь.

- У меня умерла Лена, - тихо проговорил Николай.

- Давно? - вырвалось у Светланы.

- Нет, совсем недавно.

- И что же ты хочешь? - взглянув на него, устало спросила Светлана, а у самой шевельнулось мерзкое чувство жалости к этому человеку. - Проходи, не выстужай квартиру.

Он прошел в дом, в руках у него был небольшой чемодан. Светлана, увидев его, вспыхнула:

- Не надейся, жить тебе здесь не придется, - и она демонстративно указала глазами на чемодан. - Сочувствия у меня не ищи.

- Как живешь, Света? Все одна, замуж не вышла?

Эти три вопроса, заданные Николаем, застали ее врасплох. Да и ответить правдой ему очень не хотелось. Да, одна, да, замуж не вышла, да, поклонников нет, а не он ли всему этому вина?

Ей вспомнился серый городок с таким же серым, неизвестно кем придуманным названием - Магадан. Светлана прилетела к нему, соскучилась. Они прожили с Николаем счастливые шесть месяцев. Каждый день из которых был медово-сладким. Она лю-

била его всего, каждую частичку его тела, целовала пушистые черные, как смоль, волосы и прислушивалась к биению своего сердца, а оно как сумасшедшее отстукивало ритм любви и обожа-ния.

Они оба были студентами, катастрофически не хватал денег. Хотелось и от моды не отставать, и в компаниях веселиться, и нормально питаться. Это сейчас по истечении лет Света хорошо поняла, что нужно выбирать что-то одно, главное, важное для се-мьи. Николай перевелся на заочное отделение и надо же было в один из сентябрьских вечеров увидеть ему это заманчивое объяв-ление: "Геологическая партия набирает рабочих для работы вах-товым методом в условиях севера. Оплат согласно коэффициен-ту".

Николай в тот же вечер собрал чемодан, уверяя Светлану. Что поедет ненадолго, что так надо, что привезет ей шубу песцовую, что с финансами станет полегче. Не всегда же им ютиться в этих двенадцати с половиной метрах, может быть, квартиру купим. Света была с ним полностью согласна, но в глубине души посе-лился страх, сомнения и тяжесть расставания.

В К*** цвели буйно астры и поздние хризантемы. Так они и расстались: она плачущая и прикрывающая лицо цветочным бу-кетом и он, подавленно-расстерянный. Неохотно принимая жиз-ненные перемены. Первое письмо его Светлана перечитывала по несколько раз, знала фразы наизусть.

Возвращалась в коммуналку поздно, стараясь приблизить вре-мя сна. Лекции, лекции, зачеты... Так хотелось все бросить и уехать к нему, повидать его хоть пять минут, прикоснуться губа-ми к его пушистым волосам.

Решилось все в один момент. Почти уже больше месяца не было вестей от Николая, на переговоры он тоже не явился. Мо-розным осенним утром, когда первые заморозки коснулись зем-ли, Светлана, написав заявление на имя ректора, с боем получила пять дней отпуска. Она, перезаняв у девчонок денег, с огромной тревогой на сердце садилась в самолет, следующий рейсом до Магадана. Тяжело, очень тяжело перенесла она эту поездку, врач предупредила ее о возможности выкидыша. Николаю о том, что

ждут они ребенка не писала, хотела сообщить сюрпризом при встрече, представляя его широко раскинутые глаза, а в них "искорки-чертики" счастья и радости.

- Света, - раздался голос Николая, но она даже не посмотрела в его сторону, а была вся в воспоминаниях, больно захлестнувших ее, и, как уличный ветер, стучавшихся в душу.

Ранним утром, оставив чемодан в камере хранения в аэропорту, Света добралась до геологоразведки, нашла партию, в которой работал Николай.

- Вы кого ищете, - окликнула ее очень симпатичная девушка в фойе.

- Мне нужен Николай Богатырев. Скажите, его партия еще не вернулась?

- Как не вернулась? У него сегодня свадьба, вы, наверное, его сестра. Вам объяснить, как пройти в кафе, городок у нас небольшой - быстро найдете, - женщина просто выпалила это, так быстро, что Светлана не в силах была ее остановить.

"Может быть она что-то путает, может быть, это не тот Николай Богатырев", - пока Светлана лихорадочно соображала, девушка продолжала.

- Он у нас недавно, весельчак, на редкость общительный парень, да и в жены выбрал подстать себе: красавицу и умницу - Леной звать, да вы, наверное, в курсе, - она взглянула на Светлану, а та, прижавшись к стене стояла бледная, не в силах сдвинуться с места.

- Вам плохо? Что случилось?

- А как же я? Я-то как? - почти выкрикнула Светлана.

Девушка отступила на полшага и ждала объяснения сказанным словам.

- Вы его невеста?

- Нет, жена.

- Как жена? Бывшая?

- Нет, настоящая...

- Ничего не понимаю. Вот это номер. Садитесь, пожалуйста, - и она указала на стулья, длинным рядом расставленных по коридору.

- Подлец какой!

- Да, подлец, - проговорила Света, почти еще не осознавая всей тяжести случившегося.

- Вы пойдете?

- Куда?

- К нему на свадьбу. Нет, я с вами пойду, непременно, - и она сняла с плечиков шубку и надела шапочку. - Пойдемте, нельзя прощать такое, мерзавец. А с виду не скажешь!

Светлана не в состоянии была сделать ни шагу, ноги, словно вата, даже переступить было больно, к горлу подкатился комок слез, руки затряслись, невероятно поташнивало, хотелось пить.

- Дайте воды, прошу вас, - почти шепотом попросила Света.

- Я сейчас, я мигом, вижу вам плохо, да и кому будет хорошо от таких новостей, - проговорив это, девушка убежала, хлопнув дверью кабинета.

Светлана почувствовала, как по щекам потекли слезы.

- Выпейте, легче будет.

- Что это?

- Корвалол. Прошу вас, выпейте, - и девушка подала стакан Свете.

- Зачем? - продолжала отрешенно Светлана.

- Пейте, я сказала, - прикрикнула девушка.

- Пойдем туда к нему, ладно? - почти умоляя, проговорила Светлана.

- Только чур не расстраиваться, договорились? Никто он вам, мизинца вашего не стоит, падаль какая!

- Пойдем, ладно...

Они вышли на свежий воздух, прохлада утра осушила Светлане слезы. Довольно быстро они нашли нужное кафе. В "Изумруде" все готовились к свадьбе, украшали плакатами, вырезанными розочками-цветами, столы стояли буквой "П". Зал ждал гостей, все жило предпраздничной сутолочной жизнью. Свадьба назначена была на два часа дня.

- Ой, девочки, вы нам помогать пришли? Давайте подключайтесь. Быстренько, Люда! Кто это с тобой? - поинтересовался парень, продолжая драпировать над столом ткань с надписью "Со-

вет да любовь".

"Почти как у нас было, - отметила для себя Светлана. - Ужас какой!"

- Красавица, что задумалась? - прокричали опять сверху, видимо, обращаясь к ней. - Нравится?

- Нет, - ответила ему Света. - Так у него уже однажды было, - и она опять ниша опоры, прислонилась к столу.

- Ширпотреб что ли? Так на всех свадьбах этого желают, как же без этого.

- Да работай, работай, не приставай! - прикрикнула на парня Людмила.

- Может случилось что? - опять поинтересовался парень, но, видя что девчонкам не до него, замолчал.

- Случилось, - прошептала Светлана.

- Не раскисать! - приказала ей Людмила. - И не плакать, хорошо? Прошу вас, очень прошу, держитесь.

Свете опять стало плохо, огромные буквы плаката "Муж да жена - одна сатана" расплылись перед глазами, она глубоко вздохнула, а воздуха не хватало, будто тяжесть стен прижала ее к полу, кровь пульсировала в висках и опять очень хотелось пить.

- Люда, где здесь выход? - еле-еле, почти шепотом, проговорила Света. - Мне бы выйти.

Людмила осторожно, почти как ребенка, за руку вывела Свету на крыльцо кафе.

- Не могу я, сил нет смотреть на это все, пойдемте куда-нибудь.

Ветер гнал по дороге желто-оранжевые кленовые и тополиные листья и они, обгоняя Светлану. Падали в попадающиеся по пути лужицы, так там и оставаясь, видимо, навечно.

- Который час? - тихо спросила Света.

- Остался час, - неопределенно ответила ей Людмила, но они поняли друг друга.

- Я продрогла, всю колотит. Или нервы сдали, или замерзла, не знаю, - проговорила Света. - И есть почему-то хочется.

- Здесь недалеко "Пирожковая", может быть, зайдем? - предложила Люда.

- Все равно: есть хочется, - повторила Светлана.

- Тогда поднимайся и пошли. А лучше я одна сгоняю, ты посиди, отдохни.

Не успела Света ничего ей ответить, как девушка, словно гонимая ветром как осенний лист, убежала.

"Как же ты мог, Николай? А девочка. Что я ей теперь скажу и как скажу, ведь она уже скоро родится?" - вопросы один за другим становились в длинную цепочку и не было пока ни один из них ответа, чувство горечи переполняло душу. А ветер все сильнее и сильнее раскачивал почти уже совсем голые макушки деревьев. Неслышно подошла Людмила.

- На ешь, я взяла три с картошкой, забыла спросить с чем ты больше любишь, выбрала оптимальный вариант: с картошкой все едят.

- Что? - как будто не зная, что ей предлагают, Света внимательно посмотрела на руки Людмилы. - Нет, не буду, хватит. Спасибо, достаточно мне и малышке.

- Какой малышке? - Людмила взяла Свету за руку.

- Моей, которую я ношу.

- Вы в положении? А он знает?

- Нет, и не узнает. Людмила, где у вас агентство, поедem купим билет, ладно?

- А как же.. - не договорила Людмила.

- Не надо, пусть будет счастлив, вы ему обо мне ничего не говорите, прошу вас, сама воспитаю Танечку, дай Бог бы только благополучно родить.

- Света, вы еще молоды, у вас все будет хорошо, вот поверьте, в бабки-повитухи я не гожусь, но почему-то знаю, что вы будете счастливы.

- Может быть, не знаю.

На редкость в агентстве были билеты и Светлана ночным рейсом улетела в Ленинград. Громадные сизые тучи затягивали серый городок, хмурились, глядя на безрадостный мир глазами дождя, а быть может, первого снега.

Светлана не выдержала и в три часа нанесла визит в "Изумруд". Людмила всюду сопровождала ее. Свадьба была в самом

разгаре. По просьбе Светы Люда вызвала его в фойе кафе.

Света пыталась улыбнуться, чтобы не выказать ему своих слез. Он шел на встречу, такой уверенный и счастливый, обнимая Лену за талию.

- Коля, - окликнула его Света.

- Счастья тебе, двоеженец.

Он вздрогнул, оглянулся, но Света уже покидала кафе. Плохо соображая, откуда она взялась, он попытался вырваться, но рука Лены крепко его держала, словно она предчувствовала, что может с ним расстаться.

- Света, - крикнул он, но она выбежала и хлопнула дверью, как будто ставя точку между прошлым и неизвестным будущим.

В гостинице они с Людмилой собрали чемодан, заплатили за проживание, сдали горничной комнату и постель. Делала Светлана, наверное, все машинально, торопясь уйти от ненужной ей теперь встречи с Николаем.

Людмила поклялась забыть о ней, но адрес Светлана переписала в записную книжку, мало ли что...

Николай пытался с ней встретиться, когда приезжал к матери в гости. Свекровь не особо удивилась переменам в жизни Николая, да и Свету, если честно сказать, она недолго любила и была даже рада, что на этом их студенческий брак рухнул. Больше она Свету не искала, словно забыла о ее существовании вообще, не узнав даже, что она в скором времени должна стать бабушкой.

Николай появился через два года, нашел ее на курсе, как бы между прочим спросил, как она живет, проявил внимание. Вот тогда-то Света и предупредила его: "Не ищи меня больше, я в тебе не нуждаюсь, ковылем поросло все, что было. Не было тебя в моей жизни". Танюшку ему не показала, ребенок о существовании которого он и не подозревал, рос без отца. И Светлана старалась всеми силами заменить его. Чуть-чуть Таня подросла - не засиживалась с ней дома: купила спиннинг, возила ее на плесы ловить щуку, ходила с ней в лес, стучала молотком, помогая сооружать птицам скворечник. А на вопрос Танечки, ей тогда было пять лет: "Где мой папа?" ответила, что не знает, уехал куда-то.

Сама поступила в аспирантуру, думать о нем, о Николае, было

некогда да и незачем, только вот подушка иной раз к утру не успевала высохнуть от слез, от жалости, появляющейся к себе, но это были минуты слабости, которых она так боялась. По приезду она уничтожила все его фотографии, все до единой и жалела о сделанном.

- Света, расскажи, как ты жила, - потревожил Светлану Николай.

- Хорошо жила, никому не жаловалась, да и тебе незачем об этом знать, понимаешь, незачем, - ответила ему Света, ставя на огонь раскаленной плиты подогреться обед - скоро должна возвратиться из школы Танюшка.

- Тебе не пора? - обратилась она к Николаю. - Засиделся по моему ты уже. Гостей я сегодня не ждала, особенно таких. До свидания, Николай. У меня много дел.

Светлана распахнула дверь на крыльцо, давая ему понять, что разговор окончен. Сильный ветер чуть-чуть не сбил ее с ног, сорвал скатерть со стола.

- Разговор окончен, я так понял, - проговорил он ей в ответ.

Николай поднялся, взял свой чемодан и какой-то весь сгорбленный и сутулый, то ли горя, обрушившегося на него, то ли от ее пристального взгляда, двинулся к выходу.

- Я сегодня уезжаю, друг погостить звал.

- Вот и хорошо. Меня попрошу больше не тревожить.

- Света, - попытался что-то сказать еще Николай, но Света закрыла дверь.

Осень накрывала Николая проливным дождем, гонимый ветром, он удалялся все дальше и дальше от дома Светланы, так и ничего о ее жизни, о ее переживаниях у кровати часто болеющей Танюшки, ничего не зная о них, практически ничего.

А ветер хлестал и хлестал ветками тополя по окну, заглушая своим стуком плач Светланы, некогда любимой им женщины, матери его дочери, девочки по имени Танечка, которой чуть позже придется рассказать правду об отце. А пока следы его наполнялись дождевой водой, скрывая прошлое и пришлое.

Встреча

Обыденно и противно тянулось время: дом, работа, дом. Казалось все зациклилось на этих трех понятиях, да и погода соответствовала: кончились теплые дни, мелко стал моросить дождь почти каждый день, распухла чавкающая жижа суглинка возле особняка Речневых. Дорожники, видимо, забыли проложить два метра асфальта до их дома, так и остался он заброшенным на краю улицы.

Ольга накинула на плечи пеструю, вязанную шаль и машинально принялась готовить себе ужин. Родители на неделю уехали в гости и поэтому в квартире было тихо, не с кем даже словом перебраться. В общем, мрачноватая картина.

Ольга засыпала в кипящую воду спагетти и принялась ждать, когда же закипят. Громко залаял Пушок во дворе, понапрасну он никогда брехать не станет. "Кого-то принесло в такую погоду", - подумала про себя Ольга. Мимо окон промелькнула тень человека в военной форме.

Интересно, кто бы это мог быть? Раздался резкий звонок, от неожиданности Ольга даже вздрогнула. Включив в передней свет, она осторожно спросила:

- Кто?

За дверью послышалось:

- Прошу вас, откройте, мне сказали, что вы квартирантов пускаете.

Ольга накинула цепочку и приоткрыла дверь. На пороге дома стоял молоденький лейтенант, весь промокший до нитки.

- Милая девушка, откройте, я не причиню вам зла, мне бы только два дня где-то переждать, пока будет следующий проходящий поезд до Звенигорода, - начал очень неуверенно лейтенант.

Ольга открыла дверь и впустила его в прихожую.

- Я отстал от поезда, понимаете, друг у меня по пути следования заболел, необходимо было определить его в вашу больницу.

Пока лейтенант это все рассказывал, с кителя ручьем стекла вода и образовала у его ног небольшую лужицу.

- Ой, да вы весь мокрый, гляньте, - и Ольга показала пальцем на пол.

- Где у вас тряпка и швабра? Я сейчас подотру, - как бы извиняясь проговорил лейтенант.

- Там, за дверью, - ответила ему Ольга, а краешком глаза продолжала наблюдать за гостем.

Когда лейтенант стряхнул китель от воды, вытряхнул аккуратно пол, вернувшись не увидел Ольги. Она вспомнила про кипящие макароны и, словно стрела, ринулась на кухню. Конечно, вода залила газ, в кухне нестерпимо пахло газом. Открывая форточки, Ольга услышала, как незнакомец разулся и прошел в зал, шлепая "гостевыми" тапочками, так они называли с мамой тапочки, расставленные для гостей, специально сшитые Ольгой.

"Надо же догадался, - отметила Ольга, - молодец! А парень так себе, ничего особенного и ростом невелик, - продолжала мыслить Ольга".

- Простите, так я остаюсь? - раздался совсем рядом голос лейтенанта.

- Вы уже остались, хорошо что переобулись, - и Ольга взглянула на него, улыбнувшись.

- Вы знаете, моя мама называет такие тапочки "гостевыми", специально в прихожей дома расставляет, - начал лейтенант.

- Странно, и у нас они тоже называются "гостевыми", - перебила его Ольга, еще раз улыбувшись. - Только гости стали редкостью, правда?

- Идите мойте руки в ванную, ужинать будем. Вы макароны по-флотски любите?

- По-флотски не пробовал, а по-армейски ел.

Лейтенант вскрыл небольшой чемоданчик в прихожей и достал банку тушенки.

- Я думаю, так будет вкуснее. Это будет блюдо по-армейски, - он, шагая, протянул банку Ольге.

- Не надо, что вы.

- Я сказал, что по-флотски не очень люблю, сделайте, пожалуйста, по-армейски. Меня Михаилом зовут. А вас?

- Оля, - и Ольга протянула руку в знак знакомства.

На сковороде уже разогревалась тушенка. Михаил умылся и пришел на кухню. Ольга нарезала свежий хлеб, залила макароны тушенкой и пригласила гостя к столу.

- Вы какой хлеб любите - белый или бородинский?

- Бородинский, - ответил Михаил.

- Значит, я правильно нарезала, - опять усмехнулась Ольга.

- Давайте макароны с луком обжарим, так вкуснее будет, - предложил Михаил.

- Надо же, я тоже больше с луком люблю, - Ольга смело пода-
ла ему луковицу.

- Чур, вам резать! - как-то шутливо бросила Ольга.

- А я и не откажусь, - подхватил Михаил.

Наконец, они довольные уселись ужинать.

- Вы, наверное, решили каков нахал, ничего не стесняется, услуги свои предлагает, - осведомился Михаил. - У нас с мамой точно такой же особняк, даже расположение комнат такое же и половицы в передней удивительно похоже поскрипывают, как домой приехал в отпуск, честное слово, - усмехнулся лейтенант.

Пока он говорил, Ольга отметила для себя, что у Михаила очень красивые глаза, синие-синие, как омуты, даже бездонные какие-то. А Михаил продолжал: и собака у вас во дворе на нашу очень похожа, Пушком кличут.

- Боже, какое совпадение! И нашу собаку Пушком звать, - уже рассмеялась во весь голос Ольга.

- Мама у вас красивая, - отметил Михаил. Он показал на снимок, который Ольга специально повесила в кухне, нравился он ей. Мама там распустила косу и она свисала ей тяжело на грудь, так почему-то захотел фотограф.

- Вы на нее похожи?

- Нет, Миша, я копия папы, даже мама иногда ревнует.

- А моя дорогая Антонина Петровна говорит, что я ее кровиночка.

- Как звать вашу маму? - переспросила, словно ослышалась Ольга.

- Антонина Петровна, а что? - взглянул удивленно на Ольгу Михаил.

- И мою точно так звать. Миша, какие-то странные совпадения, немного жутко становится, вы не находите? - проговорила Ольга. - Расскажите мне о себе.

- Да и рассказывать-то особо нечего. Школа, потом военное училище, закончил его, направляюсь к месту службы, - вдруг он как-то призадумался и медленно проговорил, - Оля, Оленька, выходите за меня замуж, я серьезно, Оля! - и он посмотрел ей выжидаючи открыто в глаза.

Ольга поперхнулась макаронами, покраснела, закуталась плотнее в шаль и тихо спросила:

- Это шутка, Миша? Если да, то клоун из вас никудышный.

- Прошу вас, поймите меня правильно. Кажется, бежал дистанцию, все барьеры перепрыгнула, а счастья так и не нашел, вы мне подходите, да и общего у нас много. Решайтесь, Оля! Думать вам ровно сорок восемь часов.

Ольга опешила от его слов, а Михаил по-деловому собирал со стола грязную посуду, открыл кран с горячей водой и стал щеточкой-ежиком мыть тарелки.

Всю ночь они ворочались, что один, что второй. Ольга слышала, как в зале скрипит диванчик, затем видела из своей комнаты его озабоченное лицо, когда он вставал курить. Она почти не спала, сидя в кровати, обложилась подушками и прокручивала, как на магнитофоне, опять и опять его слова.

Утром Ольга собрала чемодан, взяла только первое необходимое и вышла в зал. Михаил заправлял раскладной диванчик.

- Здравствуйте, Оленька.

- Миша, а теплые вещи брать или потом можно будет за ними приехать? - послышалось ему в ответ. Она протянул ей свои руки и они, словно дети, закружились по комнате, смеясь от счастья.

Люська и Баграм

На второй день из кишлака вернулась разведка. Демин и Серегин, пропыленные, грязные до неузнаваемости тащили поочередно что-то завернутое в плащ-палатку. Демин первый спрыг-

нул в нишу блиндажа и прохрипел усталым голосом:

- Братва, принимайте!

Показалась голова Загороднюка.

- Иван, что это у тебя, никак трофей?

- Ни что, а кто, - послышался голос приближающегося Серегина.

на. Наконец, солдаты спустили ношу и стали трясущимися от усталости руками распахивать полы палатки.

- Братва, собака!

На расстеленном тенте, скуля и тяжело дыша, вся в крови от головы до задних лап, распласталась огромная кавказская овчарка.

- У нее перебиты ноги, - так же хрипло бросил Демин, - ухо, видно, пулей срезало. От самого кишляка с Сергеем тащили.

- Вода у нас есть, - обратился он через головы собравшихся. Потянулись руки с фляжками.

- Дайте перевязочный пакет!

Михаил Наливайко вскрыл аптечку, нашел спирт, бинт и протянул другу.

- Надо Колю Ермолаева крикнуть, он на гражданке первый курс ветеринарного кончил, пусть осмотрит и перевяжет ее.

Собака, видимо, поняла, что ей не сделают плохого, старалась чуть шевельнуть хвостом в знак благодарности. Временами, казалось, она не слышала бойцов, лишь только сильно вздрагивала и скулила от любого к ней прикосновения, из уха сочилась кровь, ноги были совсем неподвижны. Наконец, ребята растолкали спящего Ермолаева.

- Иди, знахарь, помощь твоя нужна.

Коля протиснулся в середину и сердце его замерло: это же как нужно было изуродовать собаку. Он ловкими движениями

намотал ей на голову бинт шапочкой, принялся осматривать ноги.

- Ноги надо ампутировать, гангрена уже началась.

Все притихли.

- Мать честная, - воскликнул Коля, - ребята, а ведь ей щениться пора. Посмотрите-ка на живот, все ходуном ходит.

- Иди ты, - послышалось ему в ответ. - Не может быть!

- Может, может! Что делать-то будем? Спасать надо собаку.

Николай наклонился к ней ближе и на сухую ладонь его из собачьего глаза скатилась слеза.

- Ушлая, все понимает. Ребята, эфир нужен и спирт. Нож у меня есть.

- Может быть, пристрелим, мучается, жалко.

- Дубина, я тебя сейчас самого застрелю, - крикнул в порыве гнева на умника Николай.

"Одеколон у нас у всех есть, спирт найдем, свои фронтовые сто граммов, новокаин в аптечке", - лихорадочно соображал Ермолаев.

Собака уже почти не скулила, выбилась из сил, покорно ждала своей участи.

- Давай, давай, медик, долго соображаешь, - этот окрик Серегина вернул Колю в жуткую действительность.

- Соберите спирт, у кого есть водка - тоже пойдет. Дема, разбей ампулу с эфиром на тряпку, пусть подышит, все отошли, все, я сказал, - сорвался на крик Ермолаев.

Он быстро набрал в шприц десять кубиков новокаина, вколлот и стал вводить медленно лекарство. Дема накиннул на собачью морду край грязного полотенца, смоченного эфиром. Через несколько минут собака уже не реагировала ни на что. Ермолаев отсек ей обе ноги, повыше голени, засыпал раны стрептоцидом, развел пенициллин и сделал еще один укол. В блиндаже стояла гробовая тишина, все, затаив дыхание, следили за руками Кольки-знахаря. Ребят видели с оторванными руками, ногами, но уже в госпитале, а здесь, считай, на живую резали, дрожь брала.

Через двадцать минут Колька облегченно вздохнул, перебинтовал ей ноги, странные получились культы.

- Братва, я отсек ей всю опору, как будет тужиться, не знаю. Выдавливает их что ли? - советовался сам с собой Ермолаев.

Собака уже пришла в себя, поскуливая лежала, уткнувшись мордой в ладони Демина.

- Надо бы назвать ее как-то, - прошептал Серегин. - У меня на гражданке дворняга осталась, такая же лохматая, Люськой звали, я его из пипетки выкормил. Пусть Люськой будет, а, ребят? - продолжал он. И все как-то сразу согласились, истосковались ребята по женским именам.

Люська, так Люська, возражений не было. Коля надавливая, прошелся по лохматому упругому животу, слегка массируя рукой, помогая Люське разрешиться.

- Первородка, - умно заключил он.

Из каких соображений он решил, ребята пока еще не знали, но подсознательно верили всему и ждала, что скажет Колька. Люська тихо постанывала и шершавым языком слизывала воду с ладони Серегина. Сухой нос ее потрескался и был очень горячим.

- Вот страдает. Ну, природа, помоги ей, давай хорошая, давай, - шептал ей в самую морду Ермолаев. Люська тяжело застонала, как-то неестественно дернулась всем телом, напряглась, но сил не было.

- Серега, ляг ей на живот, надавливай, щенок уже близко, - командовал Колька-знахарь.

Серегин сделал так, как ему было приказано. Люська взвизгнула от нестерпимой боль, завывла одичало и что-то маленькое, лохматое, мокрое плюхнулось Ермолаеву на ладони.

- Вот и умница, Люська, молодец! - за спиной радостно и возбужденно закричали ребята.

Собака подняла голову, хотела дотянуться, чтобы обработать малыша, но Ермолаев дождался следа, перерезал пуповину ножницами, ласково похлопал Люську по животу.

- Лежи, лежи, отдыхай, я помогу тебе. Братва, хорошенький какой!

Щенок тыкался, попискивая, в протянутые руки солдат, не находя соска матери, стал активнее пробираться через густую шерсть, чую запах молозива.

- Да, вот, вот, - Серегин заботливо подтолкнул малыша вперед. - На, ешь, душманчик.

Люська лежала безучастная ко всему, лишь на писк первенца

приподнимала забинтованную голову.

- Все, один он у нее, - констатировал Ермолаев. - Если до утра не содохнут- будут жить! Завтра будет вертушка, отправим их в Баграм.

- Покормить бы ее чем?

- Молоко есть, - отозвался Фахрутдинов, - можно залить в пасть, лакать-то не сможет, считай, две операции пережила.

Он передал фляжку с молоком Серегину и вытащил из сапога ложку.

- Давай, Серега, попробуй!

Серегин осторожно разжал Люськину пасть, благо она не сопротивлялась, и быстро левой рукой влил ложку с молоком. Люська благодарно проглотила, посмотрев огромными усталыми глазами на Серегина.

- Нравится! А-то! Еще будешь?

Собака глотала и глотала.

- Молоко ей сейчас надо, - опять заключил всезнающий Ермолаев.

Насытившись, собака тяжело, со стоном, вздохнула и прикрыла глаза. Щенок, наконец, найдя искомое, тоже затих.

- Как назовем пса?

- А кто: кобель или сука?

- Да вроде кобелек, - ответил Колька всем.

- Давайте назовем Баграмом, - слышалось в тишине.

- А что, братва, под Баграмом стоим, пусть Баграмом и будет.

Колька ласково потрепал маленькое существо, наклонился и поцеловал отдыхающую Люську. До утра оставался час с небольшим. Сегодня должны забрать в госпиталь раненых, капитан Милованов обещал связаться с вертушками, согласятся ли взять на борт Люську и Баграма?

"Через месяц дембель, если доживу, Люську с малышом домой заберу. Чего бы мне это стоило", - подумал Ермолаев и сам того не замечая, как проговорил вслух последние слова.

- А через границу как повезешь? Хотя правильно ты решил, Колян, я бы тоже не смог теперь бросить, - хлопнул по плечу Ермолаева Серегин.

Утром военврач Холодова выслушала просьбу ребят, не веря в такое чудо, она спустилась в блиндаже и увидела спящую Люську, а рядом с ней попискивающего Баграма.

- Грузите, - послышалась команда.

Ребята осторожно перенесли Люську, дотащили до вертушки. Люська вдруг поняла, что растает, и в утренней тишине раздался вой собаки.

- Ничего, Люська, не на всегда, скоро у меня дембель, - оправдывался Ермолаев.

Люська так жалобно посмотрела на Кольку-знахаря и опять, как тогда в блиндаже выкатилась громадная слеза и медленно упала спасителю на ладонь.

До дембеля Колька Ермолаев не дожил, подорвался на mine. Люську и заметно подростшего Баграма забрал на родину Серегин.

Февраль

Приближался февраль - месяц студеных и пронизывающих ветров, такой неуютный от воспоминаний, что, казалось, закутавшись в шаль, от них никуда не уйдешь и не спрячешься.

Вика старалась не вспоминать о былом, об их с Игорем феврале. Да только говорят, что "от себя никуда не уйдешь". Какой бы веселушкой и хохотушкой ты ни была на людях, а на душе мерзко и холодно от февраля и его проталин, от мимолетной метелицы, точно такой же, как два года назад, налетевшей с разбегу на город. Вика возвращалась от подруги. Был, кажется, седьмой час, на остановке как всегда в это время "час пик". Народ, словно горошины, высыпал, не в один автобус не втиснуться; время, когда толпа тебя вносит и по инерции выпихивает из общественного транспорта.

Она продрогла, почти уже не чувствовала ног, холод парализовал все мысли. Мысли были только об одном: скорее бы добраться до дому. Вика неожиданно поймала на себе взгляд, скорее почувствовала его. Обернулась, действительно, он смотрел на нее пристально и с любопытством, как-то загадочно улыбаясь в усы.

Как она ненавидела такие взгляды, терпеть их просто не могла, когда вот так воочию, ухмыляясь, смотрят.

"Как лошадь оценивает по ногам, да по зубам", - подумала она. А парень прямо-таки сверлил ее взглядом. "Может быть промах с колготками, бывает, неожиданно стрелку пустят? - Вика как смогла, так и оглядела себя со всех сторон, мельком взглянув в его сторону. - Нет, это безобразие, еще пуще улыбается, смех, казалось, парня распирал. Каков нахал, и попадаются такие на пути!"

"Все, больше не могу, - подумала она. - Вот сейчас пойду да спрошу его, чего так ему весело и холод ему не помеха". Вика приняла воинственную позу, вся скукожилась, вся сжалась и двинулась к высокому, стройному блондину. Пробираясь, она даже речь прокрутила, а вышло все совсем наоборот.

- Здравствуйте, милая девушка, - опередил ее голос незнакомца. - Пойдемте погуляем, да и автобуса, видно, мы с вами не дождемся, а вокруг посмотрите - весна! Чувствуете, чувствуете, как о вас старуха-зима разбивается. Вы любите метель?

Неожиданность сказанных слов притормозила Викин порыв драться, приглушила его совсем.

- Это что, у вас такой способ знакомиться? Вы добрых полчаса меня, словно буравчиком, сверлите, - попыталась вставить свое Вика.

- Я давно за вами наблюдаю, простите, если обидел, просто пытаюсь чуточку согреть вас своей улыбкой, - парировал незнакомец.

- Считайте, что вам это удалось. Во всяком случае, злость на вас вовсе улетучилась.

- Вот и прекрасно. Есть предложение пройтись по парку или посидеть отдохнуть и согреться в кафе.

- А я люблю, когда мне ветер в лицо, когда метель беснуется, когда ливень хлещет. Нет, я выбираю парк, - уже совсем повеселевшим голосом ответила ему Вика.

Какое-то непреодолимое тепло тянуло к нему, к этому новому человеку, было с ним как-то необъяснимо просто и легко и отчего хотелось ему верить.

- Для начала давайте отогреем ваши руки, - проговорил он с

легким акцентом. Такой акцент Вика слышала в Прибалтике, где отдыхала на песчаном берегу Юрмалы. Пока она размышляла, незнакомец скатал снежок и пульнул его в Вику.

- Догоняйте, - прокричал парень, перебегая дорогу.

Вика рванулась за ним, чуть-чуть не упала, спотыкнувшись, она вдруг очнулась в его крепких руках.

- Пусти! Долг платежом красен! - она швырнула в него шарик-катыш.

- Ура! Попала, попала, - закричала, как ненормальная, Вика, принимая игру. Вырвавшись от него, она стрелой полетела к парку, там можно было укрыться за вековыми дубами, перебежать к вязам и кленам. Парк был местом ее детства, любя его непосредственной любовью, она знала здесь каждое дерево, каждый граб и клен, сюда ее часто приводил отец, да и сейчас, когда уже ей исполнилось двадцать, она приходила сюда каждое воскресенье.

- Как звать-то тебя, незнакомец? - выкрикнула Вика.

- Игорь, - послышалось ей. - Догоняй, догоняй, согревайся!

Вика перебежала от дерева к дереву, прыгала через лужи-проталыны и почти совсем согрелась, даже жарко стало. А Игорь все подгонял и подгонял ее.

- Давай, давай, шевелись. Улыбку где потеряла? Вернись вон к той сосне, там, кажется, улыбку на ветку повесила. Ах, не веришь, пойдем проверим! - он, обгоняя ее первым, прибежал к сосне.

- А вот и не нашла, я первый ее перехватил, - он улыбнулся радостно и откровенно.

- Сколько тебе лет, красавица?

Повинуясь вопросу, Вика ответила:

- Двадцать, а тебе удалец?

- Двадцать два. Побежали до того клена. Только, чур, пока бежим наперегонки, рассказываем набегу все-все о себе, идет? - предложил Игорь.

- Повинуюсь, я уже ночи согрелась, - прокричала ему Вика.

- Я здесь проездом в командировке на три дня. Сам живу в Риге, инженер-компьютерщик, живу в вашей местной гостинице, пока холост, - задыхаясь, кричал Игорь.

И Вика, стараясь перекричать парня, начала рассказывать ему о себе:

- А я врач, как говорят, "интерн", будущий педиатр, учусь на втором курсе Меда. Пока не замужем, в связях, порочащих меня, замечена не была, устраивает?

- Вполне, догоняй!

Игорь вдруг неожиданно остановился, распахнул руки и поймал ее с разбегу, теплую, еле-еле переводящую дыхание, с искрящимися, озорными глазами.

- Больше не могу, давай шагам, пожалуйста. Ладно? - взмолилась Вика.

- Согрелась? - спросил участливо Игорь

- Да уж по твоей милости, щеки огнем горят, да? - ответила Вика, посмотрев на него.

- Румяная ты моя!

Вику обняли его крепки руки, прижали к себе.

- Задохнусь я, пусти, пожалуйста! - попыталась вырваться Вика, но не получилось.

- Какая ты легкая, мне так хорошо с тобой, Вика, Викуля, а, может быть, Виктория! - и он стал целовать ее крепко-крепко.

Вика не сопротивлялась, нет, ей, также как и ему, было хорошо и беззаботно. "Что подумают обо мне, Господи?" - вдруг пролетело в голове Вики.

- Потом, потом, не загружай себя наивными мыслями. Главное, что нам сейчас так хорошо, наверное, как никогда, - он будто прочитал ее мысли.

- До гостиницы рукой подать, пойдем, у меня чуть-чуть есть "Амаретто", - как-то уж очень уверенно и в тоже время просяще начал Игорь. - Такие встречи не каждый день бывают, согласишься?

И Вика кивнула ему в ответ.

- Боже, что ты со мной натворил. Целуюсь с незнакомцем, беспрекословно исполняю все твои прихоти или ты думаешь, я откажусь? А вот и пошли или слабо?

- Нет, не слабо, пошли, Вика.

И опять они бегом, обгоняя друг друга, бросились к гостинице.

Расстались в сумерках, счастливые от встречи, немного хмельные от "Амаретто" и какой-то доселе неопознанной страстью, которая называется влечением. Уже дома, в тишине своей комнаты, сидя на маленьком уютном диванчике, Вика вспоминала его глаза, руки, губы, его слова - его и только его.

Они договорились встретиться утром, пойти куда-нибудь. Она обещала Игорю показать достопримечательности города, временно поработать гидом. Ей было все равно, куда идти, лишь бы быть с ним рядом, быть в его руках, в его объятиях, целовать его в губы, волосы, глаза.

Утром, как заполошенная, она прибежала к месту назначенной встречи, прождала с четверть часа, но Игорь не пришел. Вика в порыве кинулась в гостиницу, портье деликатно и вежливо объяснил ей, что Игорь Сармович Страучанус утренним рейсом вылетел в Ригу, ровно три часа назад. Она, как потерянная, вышла на улицу, дверь гостиницы, громко хлопнув, закрылась.

- Девушка, вам плохо? - вернул ее к жизни голос прохожего.

- Да, мне очень плохо, - прошептала она, чувствуя, как по щеке ползет предательская слеза, размазывая тушь.

Она медленно направилась к парку, сев на скамью, разрыдалась в голос. "Кому ты доверилась, как ты могла?" - нет, этих слов не было, а были другие: "Пусть, пусть, ведь это был миг счастья. Пусть на час, на день, на два... Мне бы только февраль пережить, март спрячет его следы. Только бы февраль пережить".

Осень воспоминаний

Шершавый осенний лист распростер свои руки на дороге и уже потянулись к югу чирки, лебеди, гуси. Провожая очередной караван взглядом, Иринка немного взгрустнула. Опять осень, опять сыро от дождя и больше немного от одиночества. Все даты более и менее запоминающиеся из ее жизни были связаны с осенью - временем, когда плакала она и, может быть,

дождь, когда порыв ветра срывал шляпу и так необычно подгонял к неизвестному, когда настроение менялось, словно погода за окном. Да, по мокрому асфальту шагала ее осень, осень ее воспоминаний, четыре, а, может быть, пять лет ее жизни, пусть никчемной, но ее.

Автобус, толчая, вечно злой водитель и презлющая кондуктор. Иринка опаздывала на работу. Честно, если кому сказать, проспала единственный раз в жизни: не сработал вовремя механизм старого допотопного будильника. Почти наспех собравшись, она, наконец, очутилась на автобусной остановке. Стрелки часов неумолимо бежали вперед, эдак быстренько-быстренько, казалось, что по маршруту №2 был пущен сегодня один автобус. Скопления народа на остановке становилось ульеподобным. Наконец, "Экарус" замаячил где-то впереди. "Только бы втиснуться, только бы оказаться внутри", - стучала одна мысль, работало состояние неопределенности. Уеду- не уеду, уеду не уеду, как когда-то в школе: спросят не спросят.

Все-таки Иринку просто внесли в салон автобуса. Кто-то сильно давил локтем, так хотелось посмотреть, но повернуться не было возможности. "Придется терпеть", - подумала она. Настроение - нуль, да еще больно, да еще кондуктор через каждые две остановки пропускает только через переднюю дверь, - зайцев ловит, видимо. У Иринки был проездной и она на этот счет не беспокоилась, хотя ее уже раза два или три спросили, не передавала ли она за проезд. Неужели так трудно запомнить человека, хотя у них за день столько бывает всяких?

Чей-то локоть все давил и давил и тут она не выдержала и, повернув голову, частично смогла разглядеть обидчика. "Знакомое лицо", - промелькнуло в голове. Человек далеко не свежего вида, с большими мешками под глазами, неухоженной бородой да и сам какой-то неопрятный, наконец, высвободил свой локоть.

Иринка вздохнула глубоко и еще раз взглянула на наго, заметив, как у него трясутся руки, когда тот передавал деньги за проезд. "Алкаш какой-то, надо было двинуть ему, чтоб мало не показалось", - но тут она осеклась. Ирина еще раз взглянула на человека в зеленой куртке. Неужели Николай? Да, точно, это был он,

Коля, Николенька. Какой-то комок подступил к горлу, дышать стало трудно, Ирина рванула пуговицу плаща.

Да, это был он, тот, который ждал ее в любое время дня и ночи. Был ее и только ее любимый. Она как собственница любила его страстно и порывисто, нежно, до одури насытившись ласками, засыпала в его объятиях. На устах только и было его имя, девчонки по курсу завидовали, кто открыто, а кто мерзко в подворотнях распускал слухи о ее неудержимой любви, о необузданной страсти.

Ирина жила в общежитии пединститута. Девчонки дразнили ее "логофедт", а он называл ее лебедушкой, Иришкой-трусишкой. К тому времени, как они познакомились, она училась на втором курсе. Николашка был уже аспирант кафедры дефектологии. Влюбились с первого взгляда. Стояла осень и ему некуда было деться от дождя. Она дала ему временное убежище под своим зонтом. Поболтали, посмеялись и он стал приходить, каждый день встречать ее, провожать до общежития. В один из ливневых вечеров он остался ночевать. Так просто и уютно положив ей голову на колени, сделал предложение ей, Иришке-трусишке. В такой же дождливый октябрьский день была свадьба. Девчонки еще шутили: "Весь век слезы будешь утирать". Четыре года трудно назвать веком, но слезы утирать пришлось не раз и не два. Николашка почувствовал себя после свадьбы неким царьком; это сейчас Иринка анализирует события прожитых лет, смело может сказать всем. А тогда...

Назовет любимой и обида отступала. Думала, что она у него единственная, а нет, первое письмо некоей Ольги просто ошарашило. Женщина писала, что уже ни на что не надеется, но просит разрешения у нее, у Ирины, на небольшие, скромные алименты сыну Николаю Виталию. Ирина стала сама посылать каждый месяц Ольге деньги. Николашка отказался, сказал, что дурочка она была, просил ведь ее сделать аборт и вообще "мерзавка и ребенок не от него". От этих слов Иринка трезвела с каждым днем. Подруги стали редко приходить, да и плакаться о своем несчастье в бывшем счастье было стыдно. Сама жилетку сшила, сама и до ума доводи.

Ей опротивело все в нем: как он ест, как он держит ее в ежо-

вых рукавицах, спрашивая еженедельный отчет о покупках, как он грызет сухарики, которые страшно любит - все, все опротивело.

Автобус опять качнуло и их взгляды встретились.

- Ира, ты? - от него разило алкогольным перегаром.

- Господи, зачем ты опять встретился на моей пути, будь проклята осень, - тихо прошептала Иринка.

Николай попытался улыбнуться, но улыбки не получилось, руки затряслись, она передала за проезд деньги. Противно было видеть его таким.

- Как ты ушла, я ведь запил, да это тебе зачем знать, - так же прошептал он, пытаясь взять ее за руку.

- Пусти, - сказала Иринка, опять взглянув на Николая, - пусть, не было и нет тебя в моей жизни.

Иринка промучалась с ним четыре года. Ребенка он не хотел, мотивировал это тем, что они оба студенты - не потянут, да и его будущей карьере это повредит. Расстались снова в осени, в хлещущем дожде на переулке. На следующий день, вернувшись с занятий в коммуналку, выделенную институтом, она зашла в пустую комнату. Даже запас круп и то, что было в холодильнике, он забрал, нет, просто выгреб, оставив ее одну в этих пустых голых стенах наедине с воспоминаниями. На полу были разбросаны сухарики, Иринка наступила на них, услышала хруст. Так хрустнула первая ветка ее жизни, хрустнула и сломалась в осенней маяте, в дождливом вечере, в грустных сумерках.

- Ты помнишь?

- Не надо, - перебила его она, протискиваясь скорее к выходу.

Опять шагала ей навстречу осень, ее пятая осень: с дождем, а может быть, с плачем, с улыбкой и ветром в лице, осень дождливая от воспоминаний, от того, что опять встретила его такого нелюбимого, мерзкого, полупьяного, надеющегося на добрые, светлые чувства.

"Зачем были эти четыре года в моей жизни?" Стуча каблукками, Иринка удалялась от остановки, потом побежала бегом, как будто бежала от своей памяти.

Дополнение к портрету

Морозным утром капитан Иванов возвращался домой. Учения были трудные, в его взводе погиб солдат, перекинулся БТР. Этот солдат был механиком-водителем. Уже написана объяснительная, приложены сухие слова медицинского заключения, - все как по уставу, все как положено, только вот парня не вернуть. Иванов отчетливо вспомнил тот осенний призыв. Ранним утром со станции Беленькой сообщили, что призывников уже погрузили, слово-то какое, - погрузили, как будто это были мешки, вспоминал морщась, Иванов.

Из всех шести Юра Кедрин выделялся сразу: хорошо сложен, красив и что-то было в нем интеллигентное, от забытого слова "воспитанность".

Воспитывала Юру бабушка: два года назад у него погибли родители в автомобильной катастрофе, его по закону в армию не должны были призывать, но, как рассказывали ребята, сам он обивал пороги военкомата, сам просился, редко сейчас такие найдутся. Тысячу страшных болезней придумают, больницы как осень или весна наступают просто оккупируются "бритоголовыми" собратьями, а этот сам просился. Капитан вспомнил его лицо, по-мальчишески юное и не по возрасту озабоченное.

Юра был молчун, слова лишнего из него не вытянешь. Даже ребята в полку придумали ему меткую кличку "Мовчан", Юра не обижался - какой уж есть. Сейчас, размышляя о нем, капитан еще и еще раз вспоминал детали, которые составляли теперь в прошлом портрет солдата.

Вспомнился случай, как однажды на Балтике он притащил на кухню ежа, совсем еще крошечного, почти голенюго с не отвердевшими колючками-иглочками. Ребята посмеивались над ним: "Нянька, да и только! Смотри, как ловко он его в портянку закручивает, почти как младенца". У батареи положит и через три часа вставал, кормил из соски молочком, словом ухаживал.

- Приеду в часть, Степку к себе определю. Не стало, ежик Степка, твоей второй матери, - подумал с грустью капитан.

Детей любил, хороший парень был. Письма получал из дому от бабушки Вари и почему-то из детско-

го дома №5 города Смоленска.

- Вернусь, надо будет у ребят расспросить почему ему от девушек писем не было, видный, и в разговоре не дурак, и душой "нараспашку", а девушки не было, странно как-то!

Капитану припомнилось однажды, как проходя мимо штаба он увидел у Юры написанное детским, корявым подчерком небольшое письмецо. "Давно женился?" - бросил капитан Юре на ходу. Лицо Кедрина как-то просветлело, губы тронула улыбка. "Да второй год уже, товарищ капитан!" - ответил с радостью Юра. "Витенька написал, их у меня 23!". "Сколько?" - удивленно вскинул брови капитан.

Солдат продолжал: "Педучилище, которое я закончил в Смоленске, потом распределили в детский дом, дали группу дошколят. Всего месяц я с ними беды и радости делил, а не забыли, пишут". И он еще раз показал подписанный с ошибками конверт.

- Тяжело было?

- Порой невыносимо смотреть в огромные детские глаза, они меня папой называли, а я не запрещал. Попадало за это от Веры Ивановны - нашей заведующей, а по мне пусть зовут, что-то же родное должно быть у человечка в этом неродном детском доме. Он на словах ведь только родной, сам на сам останешься, трудно им без отцов, без матерей. Они как старички маленькие все знают, вздыхают и плачут жалобно по ночам. Тяжело им, страшно тяжело порой бывает, - товарищ капитан.

За разговором Юра и капитан не заметили как подошли к казарме.

- Юра, у тебя их фотографии есть?

- Конечно, - живо отозвался солдат, целый альбом, хотите рассмотреть.

Отказать ему он был не в праве. Перелистывая странички альбома, капитан не уставал поражаться откуда Юра так хорошо осведомлен о каждом ребенке.

- Это Леночка Плакушкина.

- Странная фамилия, - перебил капитан.

- Да она подкидыш, а фамилию дали такую, плакала она. В группе самая маленькая тихо по койку спрячется и сидит плачет. Ничем ее от туда и выманишь - ни конфетой, ни уговорами. Самому приходилось под кровать залазить, она прижмется к тебе, головку на колени положит и успокаивается.

Юра рассказывал о своих маленьких друзьях с упоением что ли. Капитан из его разговора узнал о Лехе-крохе, о Пете-ленивце, об Олежке-танцоре.

- Сегодня сяду писать ответ Витюнчику, люблю я их всех.

И капитан как-то по-новому взглянул на Юру. Уходя из казармы, он еще и еще раз вспоминал истории о ребятах, поведенных только что. Перед глазами вставал крепыш Витенька, плакса Леночка, танцор Олежка...

Почему Ирина не хочет взять ребенка из детского дома?

Десять лет без детского крика, у каждого свой мир: у Ирины свое, у него свое, а общего нет. Врачи давно сказали, что виной было тому первый ее выкидыш. Служили они в Туркмении. От расположения полка до госпиталя было слишком далеко, словом не уберег, не довез, кровотечение решило исход. Разделило семью на две половины, пытался склеить ласками не всегда получалось. Пропасть так и зияла между ними. Разговоры так, ни о чем. Дела ни впопад. Она плакала сначала, а сейчас, видимо, смирилась, стала безразличной к его армейской жизни, да и к нему самому.

Капитан поехал от холода и от набравших грустных мыслей. Ребенок нас сблизит снова, попробую уговорить Ирину. Я теперь перед Юркой в долгу. Кого-то же они должны называть папой, кому-то же должны жаловаться плакса Леночка. Машина подъезжала к штабу.

На следующее утро капитан по семейным обстоятельствам вылетел в Смоленск вместе с Ириной проводить в последний путь Юру Кедрина. Ребята решили положить в цинковый гроб и дорогой ему альбом, только вот не хватало в нем одной фотографии. Невеселое даже на глянцевого снимки лицо Леночки Плакушкиной покоилось в нагрудном кармане кителя капитана Иванова. Они твердо решили с Ириной, что возьмут именно эту девочку. Пусть чаще смеется, а не плачет, улыбается, а не тоскует. По селектору объявили посадку. Полетели, Юра, полетели за Леночкой...

СОДЕРЖАНИЕ

Вероничка	3
Знакомство	6
Веточка яблони	9
Милосердие	13
Обстоятельства	17
Пустырь	22
Подснежники	27
Детдом	34
Грустный мальчик	37
Полинка	41
Прошлое и пришлое	46
Встреча	55
Люська и Баграм	58
Февраль	63
Осень воспоминаний	67
Дополнение к портрету	71

Формат А5. Объем 4,7 п.л.

Печать ризографическая.

Бумага писчая. Тираж 50 экз. Заказ № 8675

Отпечатано в типографии

Карагандинского Экономического университета Казпотребсоюза.

г. Караганда, ул. Академическая, 9. Тел.: 44-17-29

